

Кира Мигрис

Дневники Джинна

12+

Кира Тигрис

Дневники Джинна

«Автор»

2020

Тигрис К.

Дневники Джинна / К. Тигрис — «Автор», 2020

Что делать, если один твой друг оказался всемогущим джинном, а второй дружит с домовыми и русалками? Эта забавная история вовсе не о том, как спасали мир и побеждали вселенских злодеев. Перед вами дневник обычной пятнадцатилетней девчонки, которая решила подарить своему босоногому другу кроссовки. И помогал ей в этом сильнейший из джиннов. Всего за сорок восемь часов они умудрились обхитрить коварных гоблинов, напугать местных орков, погонять троллей, всполошить домовых и разозлить все темные силы, которые только попались на пути. И это еще только начало!

© Тигрис К., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1. Маленький джинн	5
Глава 2. Полный привет	10
Глава 3. Два шрама	16
Глава 4. Монстр в маске	22
Глава 5. Час от часу не легче	27
Глава 6. Ужасы сумрака	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Кира Тигрис

Дневники Джинна

Глава 1. Маленький джинн

отрывок из дневника автора

Понедельник. Холодно. Сонный город в плену дождя, солнце спряталось за семью черными тучами. Весь мир продрог и превратился в серую дымку мелких капель противной затяжной измороси. Электричка опаздывала, на платформе – безлюдно. Я сидела на лавочке, съевшись от холода, прячась от настырных капель под стареньким зеленым зонтиком. Обычно я никогда не сажусь на мокрое, но после чтения четырех лекций в университете мои силы были на исходе. Сухих мест совсем не было, так что о мягком диване и горячем чае с корицей приходилось только мечтать.

На моих коленях свежие страницы нового романа жадно глотали холодные капли. Я пыталась защитить их рукой, уж очень хотелось осилить хотя бы первую главу. Когда-нибудь я закончу свою рукопись, и, надеюсь, моих читателей не сможет оторвать от книги даже проливной дождь.

– Тысяча извинений, – я вздрогнула от мягкого бархатного баса прямо над головой, – не подвинетесь?

Вокруг было не менее трех абсолютно свободных и насквозь мокрых лавок. И почему же кто-то желает "вытереть" именно мою?

Я резко подняла голову. Рядом стоял молодой парень, высокий и стройный, не старше двадцати лет. Его черная плащ-накидка, словно с последней цирковой распродажи, несмотря на дождь, была абсолютно сухой. А вот поля насквозь промокшей деловой шляпы угрожающе клонились вниз. На бледном лице, как сапфиры на снегу, сияли яркие голубые глаза. Длинные, почти до пояса, огненно-рыжие волосы промокли до последнего кончика. Сколько лет преподаю в университете, все равно не могу запомнить всех своих студентов. Во время сессии, горячей поры зачетов и экзаменов, моя память на лица часто дает сбои. Ума не приложу, как можно было не запомнить эти рыжие волосы и небесно-голубые глаза? Такой удивительный союз огня и льда.

– Присаживайтесь, – улыбнулась я, посчитав, что он просто пришел за зачетом.

– Благодарю! – кивнул рыжий, желая скорее начать разговор, – погода глаз не радует. Всех троллей смыло.

– Да, огорчение! – уместно подкорректировала я, подразумевая под «троллями» возмущенных мокрых воробьев, жавшихся под лавочкой, – вы с курсовой...

Я не закончила, уставившись на его тонкие запястья. Точнее, на пару тяжелых серебряных браслетов, обвившихся вокруг них блестящими змеями. Из их раскрытых ртов, словно ядовитые жала, торчали обрубки крепких цепей. Наверное, это был признак особого положения в современном молодежном обществе. Хотя, может быть, парень просто не знал, как их снять.

– Любопытнейшая вещица, – он указал взглядом на книжку, беспомощно мокнущую в моих руках, – впрочем, прочтите пару страниц из середины, и еще столько же в конце. А остальные пусть смоем дождь. Неужели столь интересно?

– Нет еще... – покачала я мокрым зонтиком, имея в виду, что начала читать всего пару дней назад.

– Кстати, то, что пишете вы, еще хуже, – перебил он, – ничего личного. Какие книги, такие судьбы.

Бах! Я оскорблено захлопнула свой недочитанный роман, в стороны разлетелись мельчайшие брызги. С чего он взял, что я тоже что-то сочиняю? Ведь и действительно пишу, но только мало кто знает. И как догадался, что за книга сейчас в моих руках?

– Весьма мило с вашей стороны! – буркнула я, бросив свой самый оскорбленно-недовольный взгляд в эти синие глаза под длинными огненными ресницами, – так сколько, говорите, у вас осталось пересдач?

– Тысяча химер, простите, – неуклюже улыбнулся он, вероятно вовремя вспомнив о своем еще не полученном зачете, – не хотел вас обидеть! Но вы пишете свои сказки, совершенно не веря в чудеса.

Он ловко снял свою промокшую шляпу и бесцеремонно выжал ее в ближайшую лужу. Я притворилась, что не заметила, как часть брызг долетела до меня. Ну и студенты теперь пошли!

Странно, жаркое солнечное лето сбегало из города всего пять дней назад, а мой собеседник сидел такой бледный, словно первый ноябрьский снег. На его пальце блеснуло тонкое серебряное кольцо, острый осколок яркого бирюзового камня был зажат между двумя змеиными головами. Очевидно, старинная семейная реликвия.

– Ближе к делу, Кира, – он выбросил шляпу в ближайшую урну и продолжил таким вдохновенным тоном, будто снова собирался меня оскорбить, – ваша электричка опаздывает, но не сильно. Бабуля вот-вот снимет со стоп-крана свою авоську. И, чтобы скоротать минутку, предлагаю меняться не глядя.

– Что?! – выпалила я, не столько ошарашенная поведением бабули, сколько его предложением меняться, чем попало.

Рыжий накиннул безразмерный капюшон своего черного плаща. Половину лица проглотила тень, электрически-голубые глаза вспыхнули, как у кошки. Наглый незнакомец, разозливший и перепугавший меня вконец, совершенно забывал моргать.

– Гоблинское тряпье! Плащ не промокает и не горит, хозяин всегда сух и цел, – коротко объяснил он, – итак, обмен не глядя!

С последними словами он выхватил из моих рук нечитанную книжку, вытащив из-за пазухи стопку потрепанных тетрадных листов, синих от ровных строк школьного почерка.

– Что... за? – я изумленно уставилась на новоявленную макулатуру, за моей выпрямившейся спиной закашлял гром, – если это ваша курсовая работа, то вчера был последний срок! И вообще, нужен печатный вариант!

– О, нет-нет, – ответил он, указывая на листы горящим небесным взглядом, – это гораздо интереснее ваших кинематических схем и диаграмм плавкости.

– Так вы все-таки не сдали курсовую? – начала я.

– А вы все-таки мне не верите? – закончил он, торжественно вручая мне всю кипу, – хотя, как же вы мне поверите, если вы не верите даже в меня...

Я громко недовольно цокнула и принялась рассматривать макулатуру, на которую только что невольно променяла свою новенькую книгу. Вертела в руках, перелистывая один за другим, потрепанные листы, кем-то аккуратно сложенные в стопу. Подростковый почерк был то ровным, почти идеальным, то вдруг становился неряшливо размашистым, и слова наперегонки прыгали через строчки. Где-то мелькнул рисунок, кажется, обычный чернильный человечек. Он помахал мне рукой и успел показать язык. В сознании крохотной молнией мелькнула догадка.

– Это же, – воскликнул я, ободряемая довольной улыбкой незнакомца и очередным раскатом грома, – это дневник подростка!

– Верно, – кивнул он, – но, слепая горгулья! Я бы... простите, это не вам... я бы не поперся в такую даль ради одного дневника. Их семь, считая и мой собственный. Уверяю вас, ни один смертный такого не читал.

Я совершенно не понимала, за что меня называли слепой горгульей. И чем, собственно, могут удивить суровые подростковые будни? Незнакомец смотрел на меня, будто на маленького непослушного ребенка.

– Вы это... смеетесь? – я с трудом обрела потерянный дар речи и украдкой огляделась по сторонам. Помощи ждать было не от кого, на платформе ни души: лишь пара заблудившихся голубей и мокрая голодная ворона.

Незнакомец продолжал улыбаться, совершенно не жмурясь от яркого блеска молний, и ни разу не вздрогнув от последующих раскатов грома.

– В половину моих слов вы не поверите, а из того, что сочтете правдой, половину не поймете, – сказал он холодным самодовольным тоном, каким я обычно объявляю о внеплановой контрольной после выходных, – я нэльвир, дух воздуха. Мой дом над облаками, куда ведет радуга, и где бродят ваши мечты.

– Очень хорошо, – улыбнулась я, совершенно не видя в этом ничего хорошего.

Стараясь придерживаться спокойного тона и не делать резких движений, я медленно откинула зонт назад, дабы случайно не забрызгать «небесного представителя». Главное – не нервничать и вовремя вспомнить, где мой газовый баллончик. Кажется, где-то в самом низу...

– ... под кроватью в старой коробке из-под ботинок! – просто ответил он на мой не заданный вопрос, у меня перехватило дыхание – это была чистая правда.

Вокруг нас, словно на большой бесплатный концерт, собирались мокрые воробьи, весело чирикающая надо мной.

– Бесхвостые быстрее верят глазам, – спокойно продолжал мой собеседник, не без основания мне послышалось «безмозглые», он резко замер, – так что смотрите и постарайтесь увидеть!

Я выронила из рук зонт и, попытавшись резко вскочить на ноги, сильно ударила спиною о лавочку. Но вскрикнула вовсе не от боли. Передо мной сидел неподвижный рыжеволосый парень, его голубые глаза погасли, как утренние звезды, превратившись в обычные серые. Над вытянутой раскрытой ладонью парил маленький, не больше котенка, человечек. Он был полностью соткан из бархатного черно-синего дыма, излучающего загадочное голубоватое свечение. Запястья неземного создания были тоже закованы в блестящие змеиные кандалы. От них тянулись тонкие светящиеся цепи к серебряному кольцу на пальце незнакомца.

У духа были черные, как смоль, длинные волосы, ярко-голубые глаза, крепкий человеческий торс. Капли дождя странным образом облетали его стороной, будто спотыкаясь о невидимое энергетическое поле. Вместо ног над открытой ладонью парил необычный конусообразный хвост, убегающий прямо в бирюзовый камень кольца.

– Мы, нэльвиры, легкий заоблачный народец, ни разу не слышали полной истории человечества, но знаем о бесхвостых все через ваши желания, сны и вечные надежды. Я светлый нэльвир, Соломакс, – повторил он звонким голосом, сделал недолгую паузу, затем продолжил, – очень приятно, Кира. Впрочем, вам привычнее называть нас джиннами.

– Так вот оно как! – вскрикнула я, в детстве «Аладдин» был моим любимым мультим. С той разницей, что тот огромный мультяшный джинн был гораздо лучше воспитан. Никогда не вылезал из телевизора, не критиковал мое творчество и появлялся из лампы, а не из промокшего рыжего парня. Кстати, делал он это тоже по требованию!

Я с ужасом переводила ошарашенный взгляд с духа на окаменевшего незнакомца, с силой выкручивая свой большой палец. Нет, это не сон! Все от затяжного дождя до пронзительной боли было реальностью.

– О, Горгуля! Как я впечатлен, – улыбнулся маленький джинн, – думал, что вы закричите, будете звать полицию и остальных. И спасибо, что не ударили меня зонтиком!

– П...пожалуйста!

– Не бойтесь! Я совсем не планировал вашего обморока, – заговорил он, не надеясь услышать от меня ничего вразумительного, – теперь, рано или поздно, вы прочтете мои дневники. Для этого я вас отлично заинтриговал и неплохо напугал. Да и в любом случае, я отобрал вашу последнюю книгу, а вы и вечера не протяните без чтения.

Он самодовольно улыбнулся, я покорно кивнула, громко стуча зубами от страха и холода. Позабытый зонтик сильно накренился в сторону, и крупные ледяные капли дружно стекали мне за шиворот.

– О, дико извиняюсь, Кира! – ответил дух, в то же мгновение, согласно чьей-то неведомой команде, дождь кончился, – мы постоянно заливаем земные народы.

Только сейчас я осознала происходящее. Передо мной парил в воздухе никто иной, как всемогущий джинн из настоящей «Джинноландии»! Иначе, откуда он узнал мое имя и как выключил дождь?

Внезапно мне захотелось позаимствовать его крохотное колечко всего для пары простых желаний! Представляете, как бы смогли перевернуть мой мир миллионы долларов и хорошая машина! Невольно, я все ближе и ближе двигалась к застывшему парню, его черный капюшон сполз на лоб, практически полностью закрыв неподвижные серые глаза.

– Не смейте! – возмутился дух, резко испаряясь в воздухе, мокрая ладонь незнакомца тут же захлопнулась в крепкий кулак, – за такое можно схлопотать между ушей!

Но было поздно. Я коснулась его руки и тут же вскрикнула от сильного разряда статического электричества. Мой собеседник снова ожил.

– Пр...простите! – быстро опомнилась я, – замечталась.

– Хотите знать, что это за кольцо? – вздохнул рыжий, его голос с каждым словом становился все мягче и тише, словно речь шла о международной тайне, – закройте глаза! Не бойтесь, я не дам вам по носу. Ну же! Теперь представьте два мира, как два бесконечных берега одного широкого моря. Представьте город людей, роскошный мегаполис, дома, подпирающие небо, миллионы разноцветных огней. Машины, обгоняющие время в потоке бесконечных автострад, спутанных, как человеческие судьбы. Представили? А теперь, на другом берегу, прямо под полной серебряной луной постройте самые величественные прекрасные замки. Представьте рудники гномов, пещеры троллей, деревни орков, леса оборотней и луга эльфов. Так вот, на границе этих двух миров, будто ключ от неведомой двери, словно незримый волшебный мост, находится это самое колечко. Представьте, сколько рук, лап и когтей постоянно тянутся к нему! Из-за его блеска горели города, рушились судьбы, калечились жизни – люди жертвуют всем ради мечты! Это кольцо...

– Властелина Мордора? – я уже грезила картинками, нарисованными джинном.

– Тьфу! – свирепо сверкнул глазами рыжий, вероятно, ни слова не зная о хоббитах, – нет, лысой феи!

– И все же, – я подбирала слова, стараясь звучать как можно убедительней и логичней, чтобы все-таки заполучить кольцо, – только представьте! Своим простым желанием я могу вас освободить! Отправить на небеса! К вашему народу! Дайте колечко...

– О, бесхвостый тролль! – его прежний бархатный бас изменился до неузнаваемости, словно он сам собирался отправить меня на небеса, – ничего вы не можете! Вы даже не знаете, о чем просите! Во-первых, тот, кто освободит джинна – сам становится на его место. Кольцо не может оставаться без хранителя. Именно так я им и стал.

Мгновенно цепи на его руках ожили и серебряными змеями канули сквозь мокрый асфальт, злополучное серебряное колечко тоже куда-то испарилось. И, что хуже всего, мне тут же стало стыдно за свое поведение.

– А во-вторых, уже четвертый день подряд я абсолютно и бесповоротно свободен! Читайте мои дневники, – продолжал он. Эти простые слова, произнесенные в конце нашей встречи, много раз, словно эхо, всплывали в моей памяти, – читайте и узнаете цену счастья,

измерите силу любви и найдете смысл жизни. Если среди людей нет волшебников, это не значит, что нет чудес.

Я молчала из вежливости и глупости, чувствуя, как от стыда пылают мои щеки.

– К тому же я уже исполнил три ваших желания, – как ни в чем не бывало, продолжал рыжий, – у вас есть, что почитать и о чем написать. Ну же не дуйтесь! Дождь кончился. И вот ваш долгожданный поезд. Садитесь в начало вагона – там есть места. В третьем с конца – контролеры, в четвертом играет аккордеон.

Тут же из ниоткуда раздался шум спешащей электрички, заскрипели тормоза, с негромким привычным хлопком раскрылись двери в тамбур, приглашая меня войти.

– Кстати, следующая неделя будет без дождей, – улыбнулся он, последний раз я видела этот безоблачно-синий взгляд, – удачи! Мечтайте чаще – вдруг вас подслушает свободный джинн.

Я пропустила его последние слова мимо ушей, быстро спрятав загадочные дневники в сумку. Как я могла думать о таких тривиальных вещах, как погода и электричка? Ну почему я не думала о всеобщем мире во всем мире? Или хотя бы о том, чтобы наконец, написать что-нибудь стоящее, в прямом и переносном смысле этого слова!

Я вошла в тамбур, в лицо ударил теплый воздух вперемешку с едким дымом дешевых сигарет, глаза зажмурились от желтоватого света. Все было согласно словам джинна: и бабуля с авоськой, и контролеры, и аккордеон. Каждая клеточка моего тела радовалась теплу и сухости. Электричка тронулась, унося меня в самое дорогое и желанное место в мире. Жаль, что только время и расстояние увеличивают ценность родного дома.

Я бросила быстрый взгляд в заплаканное после дождя окно и застыла от изумления. В середину той самой мокрой лавочки, где минуту назад я болтала с джинном, опиралась огромная радуга, самая яркая и прекрасная из тех, какие когда-либо мне встречались. Единственное сильное желание жгло мою грудь: мы должны встретиться снова! Мы просто обязаны увидеться с ним еще раз! Ну почему, чем меньше возможностей, тем больше желаний?

Я тихо склонилась над первым тетрадным листком, твердо решив прочесть все до последней страницы. Пусть даже это и обычные школьные сочинения, полные вранья и ошибок.

Вдруг, откуда-то из середины стопы на первый листок выскочил маленький Чернильный человечек, волоча на синем плече целую связку слов. Он вежливо поклонился и, не дожидаясь моей адекватной реакции, разложил слова в строки, жестом приглашая меня к чтению. Я послушно повиновалась:

Личный дневник

Александра Ведеркина

Лицей № 5 г. Мирморска

8 «В», экстра-класс

1 сентября

Глава 2. Полный привет

утро, понедельник, 1 сентября

Как бы близко не находилось современное здание самого престижного лица в городе, на первый урок я все равно умудрилась опоздать. Причина, как обычно, оказалась весьма неуважительной. Я утешала себя лишь тем, что Никитка, мой недавний знакомый, по всей видимости, еще крепко дрых и даже не собирался двигаться в направлении школы.

Я осторожно шла по скрипучему деревянному паркету, состоящему из светлых и темных квадратов, словно блеклая шахматная доска. По старой детской привычке я старалась наступать только на светлые квадратики, пока не уперлась в широкую дверь с номером «115». Ровно по центру был прикреплен листок с огромными красными буквами «Экстра-класс», ниже была подпись от руки маркером «быстро сюда!!!». Рядом с дверью висели большие круглые часы со старинным циферблатом и резными стрелками. Почти без двадцати минут девять. Жутко опаздываю!

Секунд десять я тихо стояла, изучая собственное отражение в круглой дверной ручке. Мои медно-рыжие волосы, словно яркий огненный шар, как обычно, оказались растрепаны. Вместо зеленых глаз сияли узкие крысиные щелочки, зато нос превратился в огромную пухлую картошку. Надеюсь, что это так сильно искажала ручка. На всякий случай я потрогала свой нос. К счастью, он оставался в прежних пропорциях, как и все предыдущие пятнадцать лет.

Это «чудесное» интригующее чувство, когда ты новенький в классе, и что-то вот-вот пойдет не так. А если «что-то» заменить на «все», то это будет как раз про меня. Я робко постучалась, быстро схватила блестящую ручку и уже почти открыла дверь.

Вдруг, рядом прямо под большими школьными часами, посыпалась штукатурка. Пол задрожал, и из стены проступили огромные створки старой дубовой двери. По центру блесла золотая надпись «Кабинет мудрости. Людям вход строго воспрещен». На кованых петлях храпели четыре бронзовые горгульи – мифические существа с крайне непонятным внешним видом и неопределенным цветом. Вместо ручки торчала круглая медная голова филина в пенсне.

– Имя! Факультет! Вид! Пароль! – потребовала глухим голосом мудрая птица, подозрительно прищуриваясь.

– Ээ... Алиса Ведеркина. Восьмой класс. Млекопитающее... то есть, человек! Пароль...

Горгульи мигом проснулись, сканируя меня своими горящими глазами.

– Брысь отсюда! – перебил меня филин, дверь стала тускнеть, исчезая на глазах.

– Поберегись! – по коридору, волоча в зубах связку сосисок, летел рыжий бесхвостый лисенок, четко наступая лапками в светлые квадраты, те самые, по которым шла я, именно из-за них и появилась эта неведомая дверь, – Вулпи! Факультет земли! Лесной тролль пятой ступени! Пароль – лысая химера!

– Этот мой, – зарычала зеленая горгулья с рогатой головой льва, ее желтые глаза заблестели при виде сосисок, – что-то снова спер! Позорище бесхвостое!

– Опоздал, прогульщик! – проворчал филин, дверь мигом испарилась, не оставив после себя и следа. На ее месте снова была сплошная ровная стена.

– О, нет-нет! – заскулил лисенок, оправдываясь лающим голосом, – требую запасной экстренный вход! Или, хотя бы, черный выход! Это последний раз! Честное лисиное!

Он перевернулся через голову и встал на задние лапы. Теперь это был рыжеволосый мальчишка десяти лет, однако, ростом не выше моего пояса. Ноги так и остались лисьими, сзади болтался короткий обрывок хвоста, плечи обнимала телогрейка из рыжего меха. Из-под длинных ресниц испуганно горели желтые глаза.

– Лысая химера! – закричал мальчик и с разбегу исчез в стене вместе со всеми сосисками, – Вулпи, вперед!

С минуту я стояла, хлопая глазами и пытаюсь что-то понять. Затем, непонятно на что надеясь, разбежалась и со словами:

– Лысая химера! Ведеркина, вперед! – с размаху врезалась в твердую стену, тут же растянувшись на блестящем чистом полу.

На мою битую голову посыпалась штукатурка, где-то весело зазвенел звонок, со стены с грохотом свалились старые школьные часы. Толстое стекло лопнуло, стрелки остановились. Я поспешно встала, осматриваясь по сторонам. В коридоре было пусто и тихо. Пора уносить ноги. Я нацепила свою самую невинную улыбку и распахнула дверь в аудиторию.

– Извините... ээ... еле вас нашла, – промямлила я, встречая абсолютную мертвую тишину.

Просторный светлый класс, залитый теплым солнечным светом, был полон учеников, застывших, как восковые фигуры, на месте. Все замерли в самых нелепых позах, пойманные внезапной остановкой времени. Одни кричали, другие смеялись, третьи кидались бумажками, кто-то дописывал на доске предложение, оскорбляющее всякого, кто его прочтет.

Среди моря темно-зеленых пиджаков и белых блузок я увидела свободное место: на второй парте в среднем ряду. Честно говоря, сначала я заметила его: необычайно стройного, выше остальных ровно на голову, длинноволосого голубоглазого мальчишку. Мой недавний знакомый, а в недалеком будущем – предмет всеобщего бескрайнего удивления и многочисленных сплетен в классе.

Он тоже меня заметил. Вежливо улыбаясь, Макс указывал взглядом на свободное место рядом.

– Как там Тимка? – поинтересовался он приятным басом, вокруг губ появились привычные ямочки, – я уже скучаю по атаману!

– Тимка? Ах да, считает тебя суперменом! – спохватилась я, вдруг вспомнив о существовании своего четырехлетнего брата, и почти добавила «так же, как и его старшая сестра», но передумала, ахнув, – ты тоже можешь двигаться? Ты не застыл? Что происходит?

– Конечно, могу! – улыбнулся Макс, голубые глаза сияли, – ты разбила часы, остановив время только для простых смертных – тех, кто ни разу не слышал о магии. Сейчас кто-нибудь из местных заведет часы и все вернется на свои места.

Я, как обычно, все прослушала, ругая себя за то, что неприлично пристально рассматриваю собеседника. Куда бы я ни прятала свой взгляд, он, словно магнит к железу, возвращался к Макс. Его спортивная фигура идеально подходила для рекламы школьной формы. Роскошные черные, как безлунная ночь, волосы могли поднять продажи любого шампуня. Им бы позавидовала любая модель – не только я со своей рыжей мочалкой.

– Горгульи собирают народы своих стихий – огня, воды, воздуха и земли, – продолжал Макс, пока я краснела, – дверь в школу является всем, кто способен ее видеть. Для этого нужно пройти строго по светлым вытертым квадратикам на паркете до старых школьных часов. Назвать имя, факультет, свой народ и...

– А что такое тролль пятого уровня? – перебила я, потирая ушибленный локоть.

– Совсем маленький, не до конца оборачивается, остаются хвост и лапы, – ответил он, – никогда больше не говори, что ты млекопитающее. А хуже всего – человек.

На крепких запястьях Макса из-под белоснежных манжет рубашки блеснули вчерашние серебряные браслеты. «Наверное, он в них спит» – подумала я. Под накрахмаленным воротничком вокруг ровной загорелой шеи обернулся серебряный амулет в виде хамелеона, прикусившего свой хвост. Я, вдруг, вспомнила, что вчера два раза обещала сесте с Никиткой. К счастью, его широкой улыбке не было замечено ни в одном углу.

– Волшебная школа в обычной школе? И никто не знает? Никто не видит?

– Потому что никто не верит! А сосиски пропадают регулярно!

– А зачем эти заколдованные часы? – спросила я, глядя на странные лица застывших одноклассников.

– Для домовых – удобно мыть школу! И если, вдруг, кто-нибудь из местных попадется в лапы учеников лицея. Например, ребята тролля поймают или эльфа прижмут. Кстати, смотри.

Нижние створки шкафа распахнулись, и оттуда вышла маленькая, словно детская кукла, девочка. Кудрявые светлые волосы, круглые оттопыренные уши и огромные глаза василькового цвета. На ней было легкое голубое платьице и белый накрахмаленный фартук с вышитой надписью «Мироморский лицей №5». В крохотных ручонках она сжимала миниатюрный пылесос и мокрую тряпку.

Девочка, не обращая на нас никакого внимания, принялась в ускоренном режиме пылесосить все, что встречалось на ее пути. Парты, портфели, тетрадки, застывших учеников, не щадя ни сложных причесок, ни дорогой косметики на лицах девчонок. Одну она даже тщательно вытерла мокрой тряпкой, основательно стерев всю тушь и помаду.

– Спасибо, я как-нибудь сама, – предупредила я, когда чистюля наставила на меня пылесос, – пока чистая!

Девочка подозрительно на меня посмотрела и, не спрашивая Макса, отправилась обратно в свой шкаф.

– Давай сходим в их школу после уроков? – шепотом предложила я, озираясь по сторонам, – представляешь, сейчас нас придет учить домовиха! Она вчера трескала конфеты на моем чердаке!

– Ты хочешь пробраться в школу не для человеческих детенышей? – рассмеялся Макс, – тогда готовься ржать, как кентавр или линять, как оборотень. Если узнают, что ты человек – попадешь в суп к гоблинам, или тебя нафаршируют полевыми мышами орки. Спроси Никитку, понравилось ли ему изображать из себя фею или симулировать обращение в макаку? Хотя на последнюю он и так похож.

Тут кто-то беспощадно заколотил в окно, я мигом обернулась. За чистым стеклом мелькала растрепанная темная шевелюра Никитки и его широченная белозубая улыбка. Он висел вниз головой, будто бы держась ногами за турник, которого на самом деле там никогда не было. Густые тяжелые пряди выцветших на южном солнце волос указывали во все стороны света, не подозревая о существовании расчески. Справа болталась тонкая длинная косичка, сплетенная собственноручно из половины челки.

– Да он стекло разобьет! – закричала я, бросаясь открывать окно.

Ник вытащил из-за пазухи маленького мокрого белого зверька размером не больше котенка с длинным хвостом и огромными круглыми глазами, зелеными и очень недовольными. Бедняга, трясаясь от страха, вцепился четырьмя лапками в руку нерадивого хозяина и молился всем законам гравитации, чтобы не выскользнуть вниз.

– Бедный Чирока! – вскрикнула я, Ник важно уселся на подоконнике, – где ты был?

– Я его выстирал! – гордо заявил хозяин, и тут его карие глаза расширились от ужаса.

– Колтин и Ведеркина! – раздался за моей спиной громкий скрипучий голос, – немедленно слезьте с подоконника! И закройте окно!

Я резко обернулась: в дверях стояла крохотная старушенция в толстых роговых очках с седым пучком на голове. Полненькая, с живым взглядом острых темных глазок. Это была та самая домовиха, что имеет престранное хобби: днем подрабатывает в школе, а ночью пьет чай с моими конфетами. На ней было синее бархатное платье с длинной юбкой, уже давно не соответствующее моде, но все еще идеально подходящее своей хозяйке.

– Не ждали? – продолжала она, свирепо трясая над головой сломанными школьными часами, – кто это сделал? Заставлю выучить наизусть «Войну и мир»!

– Прошу прощения, я нечаянно перепутал двери, – улыбнулся Макс, быстро вставая. Он, как обычно, решил спасти мою шкуру, – но, вот незадача, я уже выучил «Войну и мир». Пойду повешу часы на место, пока все тролли не разбежались.

Крохотная учительница-домовиха поблагодарила его улыбкой. Она едва доставала носом до края своего письменного стола. Ник, между тем, хорошенько отжав своего зверька в ближайший цветочный горшок, носился между неподвижными учениками. Он подправлял их движения и направлял бумажки так, чтобы те попали точно в цель.

Внезапно в открытую дверь влетело около десяти эльфов: маленьких, не больше ладони, человечков с пестрыми, как у бабочек, крыльями. Они зависли в воздухе.

– Брысь отсюда, мелочь! – возмутилась учительница, замахав на них классным журналом, – все конфеты в учительской! Она этажом ниже!

– Но у нас плановая экскурсия! – возмутился толстенький цветочный житель, – и внизу не учительская, а дамский туалет!

– Значит, этажом выше! – не сдавалась Профессор Рифма, выпроваживая всю делегацию, – брысь! Потом посмотрите на человеческих детенышей!

В дверях появился Макс, он быстро прошел на свободное место рядом со мной. Время снова пошло, и экстра-класс оказался в экстра-беспорядке. Кто-то съездил кому-то по затылку, другие сели мимо стула, девчонки визжали, перекрикивая друг друга. Вдруг все стихло – каждый заметил присутствие учительницы.

– Ты обещала вчера сесть со мной! – недолго думая, Ник плюхнулся на коленки Макса, – лохматый, уходи!

– Ник, кажется, мы вчера договорились! – я обреченно тяжело вздохнула, незаметно спихивая с парты свою ручку. Искренне надеюсь, что пока буду ее искать, все наладится само собой.

– Колтин! Веди себя прилично. Сейчас начало сентября, а ты бесишься, как мартовский кот! – возмутилась учительница, вскакивая на стул, чтобы казаться выше, – слезь с Максима и закрой окно, в которое ты влез!

Ник вскочил с коленок Макса, подошел к окну, сгоряча громыхнул рамой так, что посыпалась побелка, и с самым обиженным видом поплелся в конец класса. Я так и не нашла свою ручку, громко треснувшись головой о парту.

– Итак, кто такой Тони Барсых? – спросила учительница, тыкая указкой в исписанную доску. Класс захихикал.

– Судя по этой надписи, он – жирный блохастый индюк!

– Я писал про Колтина! – возмутился симпатичный мальчик с каштановыми волосами, сейчас он мечтал разбить доску вдребезги.

– Попрошу сюда! – потребовала Профессор Рифма, топая крохотной ножкой в мягком домашнем тапочке, – напиши это еще десять раз, чтобы каждый запомнил!

– Но мой отец...

– ... до сих пор мечтает о дочери! – продолжила учительница, затем легко запрыгнула на письменный стол. Все синхронно ахнули и протерли глаза, кто-то даже пару раз. Домовиха обвела присутствующих интригующим взглядом:

– На моих уроках возможно все! Вместе мы сотрем границы пространства и времени, встретим всех, кого захотим видеть, заново перепишем историю и немного поколдуем! Кто угадал, как называется мой предмет?

– Черная магия?! – неуверенно выкрикнул кто-то из класса. Искренне надеюсь, что не Никитка.

– Литература, дорогие мои! – улыбнулась она, спуская очки на нос.

– Книги – верные союзники против скуки, вечные борцы со злом и глупостью, преданные друзья на всю жизнь! Открывая новую книгу, словно маленькую дверцу, вы погружаетесь в

новый таинственный мир, где между реальностью и сказкой лишь поверхность страницы. Но, сегодня мы будем сами писать! Барсых, большое спасибо, теперь все нужно стереть!

По классу пробежал легкий шепот. Все, кто учится в школе, прекрасно знают о бессмертной традиции сочинения «Как я провел это лето», соревнования в выдумках и грамматических ошибках.

– Дружно достаем листы и вспоминаем три последних месяца! Кто забыл за лето буквы? Последняя парта – не хихикайте! Итак, ручки к бою!

Ах да, кстати, о ручках! Моя единственная валялась у правой ножки дубовой кафедры, возле которой стояла учительница.

Но в беде, как известно, выручают друзья. Одни помогают решать проблемы, другие создают новые, дабы отвлечь от старых. Перед моим носом запрыгал скомканный клочок свежесобранного тетрадного листа. Забыв про учительницу, я быстро развернула записку.

«Эй, волосатый, со второй парты! Ты сидишь на моем месте. После урока получишь промеж ушей. Натяну тебе на нос пятку».

– Чудненько, эта записка вообще не мне, – чуть слышно выдохнула я, глядя на Макса, – ты же не натянешь ему на нос пятку?

– Как напишешь, – выдохнул он, протягивал мне белое гусиное перо, конец которого был предусмотрительно измазан в темно-синих чернилах.

Подумав, я написала размашистым почерком, отвечая за Макса:

«Ник, эта рыжая терпеть меня не может. После перемены сядет с тобой».

Мои брови вскарабкались на лоб. Я вывела текст ярко-красного цвета.

– Как это понимать? – шепотом возмутилась я, – мое перо писало синим по белому!

– Ты нагло соврала, – тихо ответил Макс, едва взглянув на строчку, – перу стыдно писать ложь, чернила краснеют!

Я открыла рот и зарделась в два раза ярче, чем моя писанина. Стараясь не дышать и больше не врать, я нацарапала следующее:

«Ник, я терпеть не могу эту рыжую. Никогда больше с ней не сяду»

В этот раз текст оказался привычного темно-синего цвета. Конечно, я догадывалась, что Макс от меня не в восторге. Но не настолько же? Я тихо выругалась, оторвала часть листка с красными чернилами и отправила записку по обратному адресу.

– ... такой должна быть первая страница вашего дневника. Итак, приступим! – закончила свою пламенную речь учительница, прыгая по письменному столу, словно находясь на моем чердаке. На доске было выведено каллиграфическим почерком: «Хроники этого лета».

Вокруг покорно закрипели ручки. Я мигом повернулась к Максиму:

– Я ничего не пропустила?

– С этой минуты каждый из нас будет вести личный дневник, – шепотом объяснил он, – сейчас мы пишем его первую главу. Несколько слов о себе и о самом лучшем дне этого лета. Надеюсь, такой случился.

– И она надеется прочесть правду? – прошептала я, искренне радуясь, что села с Максом, а не с Ником, – как бы я хотела, чтобы в этот момент у всех чернила оказались синими! Пусть будет только правда!

По лицу Макса скользнула хитрая улыбка, вокруг ручки закрипели сильнее – видимо, правду было сложнее выводить. Он молча забрал у меня перо, взамен протянув мою злополучную ручку, которая сейчас должна была валяться у ножки учительской кафедры.

Макс расстелил на парте свиток старого пергамента и принялся быстро что-то строчить. Я нагло заглянула через его плечо, читая быстрее, чем он успевал писать:

*«Нет ничего невозможного,
осталось лишь то, что еще не пожелали.»*

– Мило! Наверное, это про меня? – подумала я, и сказала вслух, – а мне точно хватит одного урока описать все, что со мной произошло? Я хочу в красках рассказать об этих двух бешеных днях!

Макс, как обычно, спокойно кивнул. Я решила сумничать и перед основным текстом тоже написала небольшую цитату. Вот, собственно, что у меня получилось:

«Надеюсь, моя грамотность не испортит мой дневник.»

Меня зовут Александра Ведеркина, или Мёд-Ведеркина, когда как. Мне пятнадцать, я рыжая и мечтательная. Одна из тех, кто вечно обгоняет умные мысли и постоянно упускает нужные моменты. У меня зеленые глаза и нет веснушек. В начале дневника приклею свою фотографию, если не забуду и смогу найти что-нибудь сносное.

До этого сочинения я была самой обыкновенной девчонкой, мечтала о море и лете, новых джинсах, случайной шоколадке и самом прекрасном принце. Обычно я не выполняю больше половины своих обещаний и в двух случаях из трех делаю именно то, что обещала не делать.

Моя скромная семья, состоящая из родителей, четырехлетнего брата Тимофея и рыжего кота Тихонтия пару дней назад перебралась в небольшой уютный городок, притаившийся среди холмов на берегу моря. По сравнению с дождливыми каменными джунглями столицы тут оказался настоящий солнечный рай. Наш скромный домик находится в пригороде недалеко от моря и старинного полуразрушенного замка. Прошу прощения, дорогой дневник, но я не напишу точный адрес. Уж слишком тут классно и, к тому же, и так много приезжих!

Мой отец, Павел Петрович Ведеркин, в народе просто Петрович, работает водителем и жить не может без своего обожаемого хобби – фотографии. Он так и встретился с моей мамой, Соней Николаевной Медовой, милой простой медсестрой: она случайно попала в кадр и навсегда осталась в жизни фотографа. Они идеально подходят друг другу, словно ведерко для меда, за что нас и прозвали Мёд-Ведеркины.

Я долго выпрашивала у родителей котенка, затем щенка, наконец, согласилась даже на хомяка или рыбок. Но четыре года назад у меня появился младший братишка Тимофей. Озорной и шустрый, Тимка никогда не дослушивает до конца даже собственное имя, всегда пропадая на слогах «мо» или «фей». С ярко-зелеными глазами отца и вьющимися светлыми волосами матери, ребенок выглядел, словно ангел, хотя внутри являлся настоящим демоненком. Обоим разрисованы, игрушки в холодильнике, в ботинках конфеты. Это он упростил мое имя из «Александра» до «Алисанта». А затем и вовсе все стали звать меня Алиса, как одну известную героиню. Я не сопротивлялась, наивно мечтая однажды оказаться в стране чудес. Пару лет назад, когда уже совершенно не хотелось дополнительной нагрузки из-за школы и младшего брата, мне подарили рыжего кота Тихонтия, не имеющего ничего общего с прилагательным «тихий».

Мёд-Ведеркины расположились в небольшом двухэтажном домике на Изумрудной улице. Здесь все строения находились в плену сочно-зеленых листьев плюща, и вдобавок оконные ставни были выкрашены яркой изумрудной краской. Новоприбывшее благородное семейство полдня распаковывало вещи, чинило забор и собирало мебель. Тимка будил и пугал соседей, а Тихонтий метил территорию новых владений.

Наконец, все, что можно и нельзя было переделано. И пока не появились новые неотложные задания, я наделала бутербродов, погрузила Тимофея на велосипед вместе с провизией, и отправилась искать море и приключений.

Глава 3. Два шрама

после полудня, суббота, 30 августа

У первого встречного я спросила нужное направление.

– Вы приезжие? Идите в обход – в лесу беспокойно! – ответил он, косясь на холмы, густо поросшие стройными соснами, – а лучше всего, вернитесь-ка домой, маленькие и несмышленные!

Заинтригованные, мы тут же бросились в запретном направлении. Буквально в течение десяти минут ровное широкое шоссе сменилось узкой ухабистой тропинкой, убегающей золотой лентой к высоким холмам, густо поросшим сосновым лесом. Тимка пел для меня все известные и неизвестные ему песенки, громко вскрикивая на каждой кочке.

– Алисанта? – спросил ребенок, он мало какие слова выговаривал полностью, особенно мое имя, – а здесь вампиры водятся?

Я вздрогнула, озираясь по сторонам: тропинку стройными рядами, словно колоннами, окружали толстые стволы вековых сосен. Они резко скрипели, словно разговаривали друг с другом.

– Нет, малыш, вампиры отсюда давным-давно переехали. В новостройки!

Наш бессмысленный диалог вокруг этой темы продолжался около пятнадцати минут. Я уже сто один раз пожалела, что вчера читала ему на ночь «Сумерки», так как остальные книги были уже упакованы.

Запахло хвоей, приключениями и неприятностями. Кажется, мы потерялись. Меня не покидало чувство, будто за нами уже давно кто-то следит, весьма пристально и ловко. Но как бы резко я не оборачивалась, никого не замечала. Над нашими головами в лазурной вышине, гордо расправив широкие крылья, парил орел. Возможно, это он следил за передвижением наших бутербродов. По моим подсчетам мы должны были быть у моря десять минут назад. А по плану брата, уже полчаса пить чай с местными вампирами.

Мои мысли находились в состоянии дилеммы – идти дальше или повернуть назад. Вдруг, в ближайших кустах громко хрустнула ветка. Я вздрогнула, Тимка вцепился в сумку с провизией. Зашуршала сухая трава, из кустов вспорхнула пара маленьких птичек.

– Вампиры! – закричал Тимка и, до того как я успела опомниться, швырнул туда пластиковую бутылку с водой и яблоко.

– Тихо, тихо! – успокаивала я брата, еле успевая подбирать разбросанные предметы, – наверное, это просто зайчик!

Из кустов послышалась такое грозное «зайкино» рычание, что Тимке пришлось приостановить все «военные действия». В тени листьев зажглась пара огромных желтых глаз, мы инстинктивно попятились назад. Вдруг небо опрокинулось, земля ушла из-под ног, и я повисла вниз головой, схваченная за ногу веревкой. Велосипед грохнулся вместе с вопящим Тимкой, сумка выскользнула из рук, из моих карманов посыпалась мелочь.

На поляну выпрыгнул огромный лохматый зверь, совершенно невероятный для этих мест, а точнее – для реального мира. Полосатый, как тигр, с лохматой гривой льва и ушастой мордой гиены. Скованная шоком и страхом я не могла закричать, глупо моргая глазами. Мое сердце застряло в глотке. Тимка, забыв про ушибы и ссадины, тут же вынырнул из-под велосипеда и швырнул в зверя шишкой. Косматая голова матерого хищника была вся в шрамах, пол-уха оторвано, острые клыки, если только такое возможно, были металлическими. Но самое странное: вся полосатая спина оказалась перемазана синей краской, вокруг шеи обмотаны обрывки скотча, а за задней лапой тащилась пустая банка из-под консервов.

– Брысь, киса! – пищал Тимка, размахивая палкой, – уходи! Кыш!

Чудовище принялось, не обращая внимания на моего братишку, и медленно направилось ко мне, под его пастью висела короткая косичка из шерсти, на шее болталось ожерелье из трех белых клыков. Он что, сбежал из местного цирка? Или с ближайшей стройки?

– Тима, сейчас же отойди от кисы! Не дразни ее!

Хищник приготовился к прыжку, но тут прямо перед его носом в землю впиалась небольшая деревянная стрела. На поляну выскочил босоногий паренек в потрепанных бриджах, сделанных из чьих-то старых штанов. Темные от загара и не только, спина и грудь пестрели старыми шрамами, ведя подробную летопись бурной жизни юного хозяина. Голова была полностью обмотана светлой рубахой, оставляя лишь узкую щелку для блестящих темно-карих глаз. На шее висело разноцветное коралловое ожерелье и болтался кулон из сухой лягушачьей лапки. Тигр остановился в замешательстве, острые когти впились в землю.

– Спасите! – закричала я, совершенно ни на что не надеясь, – вызовите полицию! Снимите меня отсюда! Эй!

Но местный Робин Гуд с элементами Маугли полностью меня игнорировал. Он направился прямо к тигру, что-то рыча и размахивая своим самодельным луком. По его загорелым плечам скакал маленький белый зверек, размером с подрастающего котенка. Для конспирации на ушастую мордашку был надет небольшой пакет из-под семечек с двумя дырками. В одну высовывался темный нос, в другую выглядывал круглый зеленый глаз, жутко недовольный сложившейся ситуацией. Крохотной, почти человеческой ручонкой, зверек держался за оттопыренное ухо хозяина.

Тимка, ободренный присутствием храброго незнакомца, впечатленный его смелостью и луком, тут же изменил свое отношение к тигру. Маленьким пальчиком он указал прямо на огромный нос зверя.

– Большая киса! Покатай меня! – кричал малыш, порываясь погладить хищника, но тут заметил маленького белого зверька и принялся ловить его хвост, – хомячок! Хочу хомяка!

– Тимофей! Немедленно отойди от кисы! – кричала я, наблюдая за происходящим вверх ногами, – она тебя съест! Или еще хуже – папа запретит тебе смотреть мультики!

Местный Робин Гуд направился к облизывающемуся тигру и принялся снимать с него скотч и мусор, как если бы тот был огромной плюшевой игрушкой. Оба что-то рычали, словно разговаривали друг с другом. Я громко возмущалась, Тимка радостно хлопал в ладоши, в перерывах дергая хищника за длинный пушистый хвост.

– Я сказал ему, что вы моя добыча! – небрежно бросил неизвестный мальчишка, по голосу он был моим ровесником, – но он хочет съесть твоего мелкого – целый день без обеда!

– Плохая киса! – вскрикнул Тимка, прячась за незнакомца, – киса, фу!

– Что?! – закричала я, дергаясь в разные стороны, из кармана выпал старенький сотовый телефон, – сейчас я ему съем! Немедленно меня развяжите!

Но паренек об этом совершенно не думал, он поднял мой мобильник и бесцеремонно отправил его в карман своих потрепанных бридж. Я громко возмущалась.

– Сейчас Роки обо всем договорится! – уверенно заявил мальчишка, снял пакет с головы своего питомца и выставил беднягу прямо перед носом удивленного тигра, – они старые приятели!

Переговоры продолжались не долго. Белый ушастый зверек, что-то отчаянно вереща, распластался на траве, закатив глаза на лоб и высунув язык. Тигр, грозно рывкнув, последний раз посмотрел на нас горящими желтыми глазами и скрылся в лесу. Я облегченно вздохнула, потребовав в сотый раз:

– Снимите меня! Быстро, пока не вернулся зверь! Что здесь происходит?

– Он не вернется. Роки сказал ему, что ты блохастая, а мелкого полгода не мыли, – гордо ответил мальчишка, в качестве вознаграждения вытаскивая из моей сумки кошелек и провизию. Он ловко перекладывал все в свои карманы:

– Ну и хлама в твоей котомке! И налички совсем нет. Из гоблинов высыпается золота гораздо больше.

– Грабеж средь бела дня! – возмутилась я, однако, решила, что лучше уж быть блохастой и ограбленной, чем съеденной, – телефон-то хоть верни, гоблин недоделанный!

Тем временем Тимка подкрался к ничего не подозревающему белому зверьку по кличке Роки, все еще лежавшему на траве.

– Хомячку плохо? – малыш резко схватил его белый хвост, весь лес наполнился злобными воплями и рычанием, – плохая мышка! Ай!

– Сам ты хомяк! – возмутился незнакомец, подобрал свою стрелу и скрылся в кустах, оставив меня болтаться на произвол судьбы, – не скучайте!

– Снимите ме..., – тут веревка отпустила мою ногу, и я звучно шлепнулась на землю, а точнее – на жесткие сосновые шишки, – ай! Предупреждать надо!

Паренек, полностью меня игнорируя, выскочил из леса и направился к нашему велосипеду, распластавшемуся на траве:

– Это что за рухлядь? Никогда на таком не ездил! Можно?

Не дожидаясь ответа, он тут же на него сел, быстро покатавшись по кочкам.

– Эй, рыжая! Захватите Чироку! – донеслось до нас.

Кряхтя, я поднялась с земли, подобрала свою сильно полегчавшую сумку и направилась к Тимке. Ребенок одной рукой держал рычащего Роки за шкирку, другой наглаживал против шерсти. Судя по выпученным зеленым глазам, зверюшка планировала страшную месть.

– А можно Сырока будет жить с нами? – наивно спросил ребенок, зверек, словно все понимая, притворилсядохлым, – ну, пожалуйста! Он так хочет!

– Мама не любит крыс! – буркнула я, потирая шею, – или этого Сырока съест наш кот! Лучше пошли обменяем его на мой велосипед!

Мы побежали сквозь кусты и кочки за угнанным транспортом, ориентируясь по звону металла, хрусту веток и громким ругательствам велосипедиста. Я благодарила судьбу, что мой мобильный в его кармане молчал – ничего не хотелось объяснять родителям.

Наконец, впереди послышался громкий треск и душераздирающие вопли. Тимка вырвал рычащего зверька, я подняла с земли крепкую палку. Тропинку, весело убегающую под гору, внезапно перегородило большое трухлявое бревно. Прямо за ним расположился небольшой пляж, за которым чистый золотой песок встречался с тихими солеными волнами.

– А вот и море, Тимка! – пояснила я, тут же хватая его за руку, – стоп! Купаться нельзя!

Огромный шар раскаленного солнца медленно опускался за горизонт, словно тонул в тихой спокойной воде. Однако на моих часах было еще предостаточно времени до того, как родители забудут тревогу и бросятся нас искать. Как угорелые над зелеными волнами носились чайки, выискивая свой поздний ужин. Черными громадами дремали над водой утомленные солнцем скалы, окружавшие маленький пляж.

– Глупые туристы! – раздался знакомый мальчишечий голос, правда, весьма раздраженный, – я чуть не сломал себе шею на вашем гоблинском барахле!

Он сидел на песке, держа в руках колесо от валявшегося рядом велосипеда. Рваная рубашка, обмотанная вокруг его головы, грозила вот-вот свалиться.

– Сам ты глупый турист! – заявил Тимка, я заметила на песке лук и разбросанные стрелы, – даже наш кот на велосипеде кататься умеет! В багажнике!

– Слепой хрюнопень! – мальчишка вскочил на ноги, бросая колесо, – так вы не туристы?

– А ты не вампир? – наивно спросил малыш, возвращаясь к началу нашей прогулки.

– Покажи лицо! – потребовала я, наставляя на незнакомца заряженный лук, который удалось незаметно подобрать, – я ни разу не стреляла – сильно покалечу!

– Стреляй! – громко рассмеялся парнишка, в заднем кармане его бридж запиликал мой телефон, – хочешь, расскажу предкам о твоём поведении?

Он подошел вплотную, сверля меня своими нахальными темными глазами, и громко рассмеялся. Оказалось, второпях я вставила стрелу не тем концом, пришлось смириться и опустить лук. В то же мгновение умолк мой телефон, затем пришла смс.

– Дай сюда, – парнишка легко разжал мои пальцы и забрал оружие, – пока себя не убила! Эй! Ты что творишь?!

Я не собиралась так легко сдаваться и, улучив нужный момент, дернула за рукав рубашки, которая тут же слетела с мальчишечьей головы. Теперь оставалось только хорошенько рассмотреть наглеца.

Его темные, растрепанные волосы местами выгорели на солнце, правая половина челки была заплетена в тонкую длинную косичку, убегающую за ухо. Блестящие темно-карие глаза смотрели сердито и уверенно из-под черных, длинных, как у теленка, ресниц. Он недовольно надул загорелые чумазные щеки.

– Я все равно бы узнала тебя в школе. Твоя спина говорит гораздо больше, чем лицо! – триумфально заявила я, протягивая вперед ладонь, – телефон, пожалуйста! И кошелек!

– В школу я хожу в рубашке! – буркнул он, злобно сверкнув глазами.

Темные брови, карабкающиеся все выше и выше на широкий лоб, казались разной толщины. Большие пухлые губы пестрели свежими шрамами. Не удивительно, ведь он либо улыбался, либо беспощадно их кусал. Тимка направился рассматривать его загорелую спину, всю в шрамах.

– Ты кто? Одна из кикимор Златоновского? – мальчишка попятился к тропинке в лес, Роки спешно запрыгнул на его плечо и брезгливо отвернулся, – крашенная курица, да?

Я невольно сделала шаг назад: с левой стороны его лица, от виска до подбородка протянулся рваный глубокий шрам, словно от огромного кривого когтя. Окажись он на миллиметры ближе – мальчишка остался бы без глаза, чуть глубже – был бы мертв.

– Не знаю я никакого Златопопского! – возмутилась я, – просто отдай мне телефон и кошелек! Ты меня обокрал!

– Ее зовут Алисанта! – гордо заявил Тимка, мне тут же захотелось провалиться, – но мы зовем ее Алиса, и ей нравится. Она всегда хотела ей быть.

– Александра! – поправила я, краснея.

– Какая еще такая Санта? – передразнил незнакомец, его загорелое лицо озарила огромная, раза в два шире привычной, белозубая улыбка, – хорошо, Санек, придется звать тебя Алисой. Очень созвучно! Кстати, я – Никита, но просто обожаю, когда меня называют Кешей! – иронизировал он, – а еще я частенько представляюсь...

– Кеша, иди и чини мой велосипед! – потребовал Тимка, – и отдай мне Сыроку!

– Сам ты Кеша! Шутки не понимают! Я Ник! – возмутился Никитка, осознавая, что только что глупо проговорился, назвав свое имя, – а Роки еще жить хочет! Своего иметь надо!

Он протянул мне мобильник и полегчавший кошелек. Я не стала возмущаться, все равно там была одна мелочь. К тому же этот парень умеет разговаривать со зверями, что может очень пригодиться на обратном пути.

– Что здесь происходит? Откуда взялся этот тигр? Ты его знаешь?

На все мои вопросы Никитка лишь пожимал плечами, отмахиваясь, мол что я все равно ничего не пойму. Чистый нетронутый песок быстро покрывался крохотными босыми следами Тимки, воздух разорвал самый дикий клич того же производителя. Счастливый малыш носился с яблоком за несчастным Широкой, неоднократно пытаясь его накормить.

Ник достал из кармана обрывок веревки с тремя разными клыками, тот самый, что недавно был у тигра, и примерил.

– Это та самая штука, что висела на шее у зверя! – тут же узнала я, – зачем ты стащил эту ерунду? Он же может вернуться!

– Сама ты ерунда! А это – трин-амулет! Тигр подарил, – улыбнулся мальчишка, тут же сорвал с шеи сушеную лягушачью папку и одел клыки, – сила, ловкость, храбрость! Три в одном! Жаль, нужно носить отдельно от прочего барахла. Хочешь поборемся?

– Какой бред! И ты в это веришь? – недоумевала я, – лучше бы талисман от глупости и воровства себе нашел! А лапка лягушачья для чего? Улучшения пищеварения?

– Ага, – улыбнулся Ник, пряча от меня свой шрам и переводя тему, – значит, послезавтра будем вместе в экстра-классе. Напомни мне сесть от тебя подальше!

– Экстра где? – замялась я, даже чайки прислушались, прекратив кричать.

Но оказалось ничего особенного – просто новое направление в городском лицее, открытое неким Федором Златоновским, богатейшим предпринимателем, абсолютно бесплатно для всех желающих. Туда автоматически попадали все отчисленные и приезжие. Никитку традиционно каждый год с треском выгоняли из школы. Как выяснилось, его дедушка ни разу не был на родительских собраниях. Хотя потом, каждую осень, парня каким-то чудом брали обратно в класс.

– Мышка, иди спать! – вопил Тимка, насильно заселяя Чироку в новенькие апартаменты из песка, новоселье закончилось обвалом потолка и отчаянными воплями пушистого жильца.

– Да ну их к гоблинам! – ворчал Ник, кончики его ушей ярко зарделись, хотя лицо осталось по-прежнему просто загорелым, – сам директор лицея не отличит тролля от балерины! Тысяча химер! Жаль, я посеял пароль от нижнего яруса. Ладно, тебя бы там все равно быстро сожрали... хотя нет, хватило бы надолго, ты – откормленная. Но не волнуйся, их «экстра» как раз для неудачников и новеньких!

В ответ на такие речи я молча хлопала глазами, искренне надеясь, что «откормленная» – это комплимент, а я все-таки больше «новенькая», чем «неудачница».

Вдруг, откуда-то из-за камней бесшумно вынырнула небольшая белоснежная яхта с мотором. Ник вжался в мокрый песок, будто пытаясь провалиться. Чирока со скоростью света нырнул в мою сумку.

– Привет! – закричал Тимка, размахивая Никиткиной рубашкой, словно болельщик флагом, – эй, пираты!

– Тимофей! Прекрати немедленно! – зашипела я, – а то они тебя заберут!

Ребенок даже обрадовался такой перспективе, однако, лодка круто развернулась и прибавила ходу в открытое море. Наверное, нас заметили на борту. Новенькая яхта стремительно превращалась в яркую белую точку, постепенно растворяясь в синеве волн.

– Жаль, что ты не вампир, Ник, – разочарованно сказал Тимка, опуская рубашку на песок, – хоть велосипед-то мой починишь?

– Лучше проводи нас обратно через лес! – добавила я о наболевшем, оглядываясь по сторонам, – откуда взялась та зверюга? Сбежала из цирка?

Ник молча усмехнулся, расправляя рубашку. На ней прямо напротив сердца был пришит большой самодельный карман. Видимо, для Чироки.

– Орки не любят блохастых и грязных, так что он вас не тронет. – Сказал Ник и гордо добавил, – тем более, с вами я.

– Зверюгу зовут Орк? – переспросила я, – это те из фэнтези, которые не существуют? Мой папа говорит, что здесь уже не водятся никакие тигры, а в море давно нет акул!

Ник саркастически задрал правую бровь, отчего Тимка пришел в полный восторг, а я – в негодование. Этот дикий и дерзкий мальчишка нагло игнорировал все мои вопросы.

– Не смей меня передразнивать! Что тут происходит? – требовала я, сжимая кулаки, – кто ты такой? Отвечай! Или я расскажу твоим родителям, как ты украл мой кошелек!

– Попробуй! – ответил он, срывая с шеи сухую лягушачью лапку и одевая вместо нее ворованный амулет с тремя клыками, – действительно паршиво, что я не вампир. Сейчас бы

отлично вами поужинал. Все расскажешь моим родителям? Ха! Значит, ты умеешь разговаривать с мертвыми?

– Что? – недоумевала я, хлопая глазами.

– А ничего! У меня нет родителей! – его широкая улыбка превратилась в твердую тонкую линию, глаза резко потемнели, я сочувственно опустила глаза, – мать умерла пятнадцать лет назад ровно через два часа, как я родился. Я даже не помню ее лица. Вот эта сушеная лягушачья лапка – все, что у меня от нее осталось. А три года назад отец ушел в море и не вернулся. Говорят, что русалки забирают хороших рыбаков себе, как плату за все уловы. Довольна? Расскажет все она!

– Прости, я не хотела, – пробормотала я, даже волны прекратили шуметь, соболезнуя мальчишке, – правда, прости!

– За что? Ты же их не убивала! – хмыкнул он, садясь на песок и поворачиваясь ко мне стороной со шрамом.

– А он-то у тебя откуда? – тихо спросила я. Честно, лучше бы и не знать.

– Какая разница, – пожал плечами Ник, – было бы гораздо хуже, если бы отлетела вся голова.

Он с хрустом сломал ближайшую ракушку, мне больше не хотелось заглядывать под эти длинные густые ресницы. Глаза потемнели, словно погасшие фонари. Однако, не было видно ни одной слезинки.

– Ты видел тело отца? С чего ты взял, что он погиб? – спросила я, Ник медленно покачал нечесаной головой из стороны в сторону, – верь! И он окажется жив!

Он горько усмехнулся, уставившись на меня, как на сумасшедшую. Да, в этих лесах не должно быть тигров так же, как не должно быть босых диких мальчишек, брошенных на произвол судьбы. На его сердце шрамы гораздо глубже и страшнее, чем на лице.

– Значит, сегодня у тебя День Рождения? – вмешался Тимка, забыв про Чироку.

– Выходит, что так, – кивнул Ник, хитро прищурившись, – вы принесли мне подарки?

– Да, будут завтра, – пробормотала я, вовсе не то, что хотела, – с кем ты живешь? Неужели совсем один? Или с этим тигром?

– Неа, не один! Вон, видишь, Чирока! – ответил Ник, не желая моей жалости, – и дедушка есть. Забыла? Он делает разные штуки из кораллов и раковин. Их покупают гоблины и туристы, думая, что увозят с собой весь Мироморск. У него лавка сувениров, там вкалывают гномы, и полно всякого хлама, то есть антиквариата. Кстати, мой старик готовит так, что я чудом не съел свои пальцы!

Я облегченно вздохнула, снова пропуская мимо ушей и гоблинов, и гномов. Ник не мог долго унывать, его карие глаза снова заблестели на солнце, особенно, когда Чирока принялся кидаться в нас песком.

Глава 4. Монстр в маске

ближе к вечеру, суббота, 30 августа

В сотне метров напротив нашего пляжа находился природный волнорез – груда огромных камней, потемневших от солнца и времени. Тимка подозрительно притих, напрочь забыв про поимку и кормление Чироки. Все это время братишка что-то высматривал в воде возле камней.

– Там акула! – закричал он, намереваясь эвакуироваться с пляжа, – большая акула!

– Нет, приятель, – засмеялся Ник, указывая отогнутым большим пальцем в ту же сторону, – это обычный дельфин. Просто толстый.

Я прищурилась так, что глаза заболели от напряжения. Около камней плескалось не менее трех молодых дельфинов. Мы невольно залюбовались игривыми рыбами, ничуть не подозревая, что Тимка тыкал пальчиком совершенно в другом направлении. Туда, где зеленые волны резал огромный темный треугольник.

– Русалки! – закричал Ник, спешно выворачивая карманы своих штанов – на землю посыпались разноцветные конфеты, мелочь, зажигалка, складной нож и кучи мусора, – ничего не трогайте! Ждите меня и сторожите Чироку! Иначе получите промеж ушей!

– Хорошо, – ответила я под громкий плеск воды, в воздухе мелькнули голые пятки, – не утони от важности!

Я, Чирока и Тимка тут же склонились над брошенной заначкой. Похоже, Ник охотился не только на туристов в лесу, но и на сладости в супермаркете. Роки, злобно рыча, принялся зарывать пожитки хозяина в песок, Тимофей спешно собирал разноцветные конфеты. Я схватила одну, теплую на ощупь в ярко-красной обертке, и незаметно отправила в свой карман. Туда же последовал сложенный треугольником клочок желтого пергамента. Надеюсь, в скором времени его разверну.

Между тем худенькая фигурка Ника быстро удалялась от берега, сверкая загорелыми плечами. Он явно выпендривался, поднимая в воздух кучу сверкающих брызг.

– Наверное, ему совсем плохо босиком, – тихо сказал Тимофей, задумчиво глядя на последний, еще не затоптанный отпечаток босой ступни Ника, – может быть, если у него будут ботинки, он станет добрее?

– Станет, если у него будут друзья, – ответила я, ставя свою ногу рядом со следом, его ступня отличалась от моей на пару размеров.

Тимка разворачивал конфеты и со скоростью света запихивал их в рот. Я вертела в руках треугольный клочок пергамента, вдруг, на нем проявились ровные строчки:

«Никита Колтин. Вскрыть 1 сентября. Несъедобно. Огнеопасно. Не мочить»

– Прямо совершенно секретно, – вздохнула я, осторожно потянув уголки записки, – потом сложу все обратно и скажу, что это Роки.

Треугольник легко развернулся, перед моими глазами вспыхнули черные корявые строчки, словно кто-то наспех послал весточку из будущего:

“Подарок дивный свой отдашь другому,

Добудешь обувь и проблем ты, а пока

Прячь сердце от воровки рыжей,

Иначе встретишь смерть на кончике клинка!

PS: Хотите точнее – платите больше!”

Ничего не понимая, я принялась перечитывать написанное. Вдруг, записка вспыхнула холодным синим пламенем, и в моих ладонях остался лишь белый пепел. Ветер быстро развеял его по песку.

– Рыжая? Это же я! – вертелось в моей голове, – это от меня надо держаться подальше? И что значит «добудешь обувь и проблем»? И почему Нику грозит смерть от какого-то клинка? Такой бред!

Бросив быстрый взгляд на море, я громко вскрикнула. Прямо в Никиткину сторону, лениво разрезая волны, двигался огромный темный треугольник – плавник вышеупомянутой акулы. Чирока душераздирающе скулил, носясь вокруг нас по песку.

– Ник, сзади! – визжал Тимка, протягивая ко мне руки.

– Помогите! – судорожно закричала я, увидев возле каменной гряды нос белой яхты, – лодка! Ник! Плыви к лодке!

Никитка нас не слышал, острый темный треугольник, вестник страшной смерти в воде, был всего в паре метров от него. Судя по плавнику, чудовище было просто громадным, и сейчас, должно быть, волочило пузо по дну. Чирока обреченно кинулся в волны за хозяином, но вся прыть закончилась, едва намок хвост.

– Ник! Сзади! – прокричали мы с братом, собирая последние силы.

На этот раз ветер доставил наши слова прямо по адресу. Мальчишка обернулся и застыл в оцепенении, каким-то чудом удерживаясь на волнах. Дельфины, не поддаваясь панике, наблюдали за происходящим с почтительного расстояния. Стоп! Я зажмурилась и снова открыла глаза: около камней из воды по пояс высывались три человеческие фигуры. С длинными зелеными волосами и блестящей голубоватой кожей, они не сводили с Никитки глаз. Я тут же решила, что русалки мне просто привиделись от взвинченных нервов.

Ник застыл на месте и, обреченно вглядываясь в зеленую воду рядом с акулиным плавником, собирался встретить смерть лицом к лицу. Я считала последние секунды, кляня жестокую судьбу за то, что он вынужден умереть в день своего рождения.

Плавник решительно дернулся, но вместо предсмертного крика мы услышали противный громкий смех от которого что-то переворачивалось в желудке. Ник был жив и здоров, однако, в сильнейшем бешенстве. Рядом с ним еле держался на плаву от злорадного смеха мальчишка-аквалангист, затянутый в пестрый подводный костюм. За его спиной, прямо между парой небольших ярко-синих баллонов торчал фальшивый акулий плавник.

– Потерял плавки, Ники? Нырнуть за ними? – надрывался незнакомец, на широкие подводные очки, дававшие на солнце яркие отблески, спадали темные каштановые пряди.

Судя по высокому ехидному голосу, он был не старше меня, из-за бликов на воде я не смогла разглядеть его лицо. Впрочем, не очень-то и хотелось. Несмотря на всю жестокость и нелепость происходящего, мы с Тимкой вздохнули с облегчением и одновременно плюхнулись на песок. Это был самый удачный исход ситуации, единственный из миллиона. Чирока радостно вскрикнул, тормоша лапками уши, и принялся деловито отжимать свой хвост.

– Вмажь ему, Ник! – рычал зверек, злобно сверкая глазами, – натяни очкарику глаз на пятку! Вот так, в ухо! Засунь ему плавник под жабры!

Тимка подавился большой красной конфетой, я вскочила с песка, как с муравейника.

– Что? Мне послышалось?

– Ты не ослышалась, блохастая воровка! – ответил за моей спиной низкий голос, грубый и разозленный, – а теперь верни мне мой трин-амулет, пока еще можешь!

Я резко обернулась: около валявшегося велосипеда стоял гориллообразный зеленокожий великан. На огромной голове, словно шлем, лежал скальп тигра, массивные плечи укрывала полосатая шкура. Большие желтые глаза горели, напоминая того тигрообразного зверя в лесу, массивные скулы, зеленый нос картошкой. Над толстыми губами торчали острые металлические клыки. Мое сердце ушло в пятки, рот открывался и закрывался, голос куда-то пропал.

– Отлично! Твой дружок развлекается с выдрами! – из-за плеча великана появилась ехидная морда неизвестного зверька, его длинный нос был сильно свернут вправо, из-за чего резкий лающий голос был очень гнусавый, – твоего детеныша мы заберем с собой!

Он был кем-то средним между хорьком и крысой, грязно-серая шерсть стояла дыбом.

– Я найду ваш дрын-амулет! – мои руки лихорадочно переворачивали песок, Тимка спрятался у меня за спиной, – сейчас! Он где-то тут!

Я мельком взглянула на море: Ник без нас совершенно не скучал, беспощадно молотя кулаками визжащего «человека-акулу». Из-за камней величественно выплыла злополучная белоснежная яхта. На ней стояли трое подростков: темноволосый мальчуган и две белобрых девчонки. По крайней мере, так я думала сначала, пока одна из подруг не заорала надменным мальчишечьим голосом:

– Эй, Ники, твоя подружка совсем заскучала на берегу! Смотри, она привела другого!

Я прищурилась: кричал высокий парнишка с благородно-бледным лицом и длинными, почти по плечи, светлыми волосами, прилежно зачесанными назад. Он единственный выделялся своей белой, под цвет лодке, рубашкой. Все его спутники были одеты хоть «по моде и погоде», но не так стильно. Рядом с ним стояла, очевидно, его сестра-близнец, чья кожа была гораздо темнее от загара, а волосы несколько короче, чем у брата. У руля, словно верный швейцар у ворот, сидел плотный неповоротливый мальчишка. Казалось, он был на пару лет старше остальных. Самый высокий и плечистый и в то же время такой скучный и неприметный, что я даже не запомнила его лица. Все трое громко ржали, вероятно, они репетировали этот «розыгрыш» уже несколько месяцев.

– Быстро ешь свои штаны! – после каждого слова Ник отвечивал аквалангисту внушительный подзатыльник, в воздух поднимались фонтаны брызг, по воде кругами пошла белая пена, – сейчас я переверну ваше корыто!

– Нет! Колтин! Тьфу! Отстань! – звонким голосом кричала жертва, пытаясь безуспешно унести ласты, – отвали! Лекс, помоги мне! Ай!

Но вместо помощи с лодки доносился громкий смех, теперь уже над своим сообщником, вот-вот готовым пойти ко дну вместе с гигантским плавником и гнустными задумками в голове.

– Эй, рыжая, – рывкнул зверек со свернутым носом, окатив меня песком, – поверни сюда свою моську!

Великан, который, по всем признакам, был нашей сегодняшним саблезубым тигром, громко рассмеялся. Его «карманный зверек» лихорадочно рылся в песке, щедро попадая в присутствующих. Тимка неоднократно пытался поймать его облезлый вытертый хвост.

– Не старайся, Углонос! – ответил Роки, – трин-амулет у моего хозяина! Ты опоздал!

– Что? Амулет у человеческого детеныша? Хромой хрюнопень! – рывкнул Углонос, в косой пасти он сжимал сухую лягушачью лапку, – тьфу! Ты жалкий белохвостый предатель! Ты служишь убогоныкому человечешке! Если остальные про нас узнают, то...

– Они нас никогда не увидят, потому что не верят! – перебил его Роки, от удовольствия виляя хвостом, а я, пользуясь моментом, потихоньку подползала к Никиткиному луку, – глупый блохастый Крючконос! Я бы свернул тебе моську, но вижу кто-то меня опередил. Могу переделать тебя в Вырвихвоста или Свернишея. Хочешь? Тебя до сих пор купают от блох в гоблинской моче? Ха-ха!

– Замолчи! – рывкнул кривоносый зверек, прыгая на огромное плечо хозяина, – почему эта рыжая дылда нас видит и слышит? Ее нужно сожрать, пока она не сболтнула лишнего!

– Брось, люди не верят своим детенышам! Тем более, если они рассказывают про таких говорящих крыс, как ты!

– Эта никому не расскажет, мы позаботимся! – ответил Углонос, затем его колючие зеленые глаза уставились в мою сторону, – мы забираем мелкого. Гоблины дорого платят за человеческих детенышей. Не хнычь, рыжая, тебе все равно никто не поверит!

– И не подумаю, – ответила я, стараясь держать лук как можно уверенней, целясь то в зеленого великана, то в его питомца, – я стреляю из лука с трех лет!

В этот момент где-то в море Ник громко и подробно всех проинформировал, кому, куда и как он собирается засунуть пластиковый треугольный плавник, а заодно и ласты. Русалки одобряюще захлопали в ладоши, звонко смеясь. Аквалангист пищал что-то о своем отце и подаче заявления в суд.

– Бери мелкого, и уносим лапы! – скомандовал Углонос, нацепляя на шею сухую лягушачью лапку, – пока ее хахаль не приплыл!

Орк направился к Тимке, тот отчаянно заскулил, его рот был полон конфет. Я выстрелила, целясь в большой зеленый нос великана. Но стрела почему-то попала в его плечо, оставив лишь легкую царапину. Он громко взвыл, размахивая руками.

– Простите, я не хотела! То есть отстаньте от нас!

Но на орка ничего не действовало, он оттолкнул меня в сторону, схватив Тимку обеими руками. И тут произошло нечто странное: ребенок закашлялся, выпустив изо рта впечатляющие клубы огня. Такая «изжога» могла быть только после Никиткиных конфет. Затрещала паленая тигровая шкура, великан дико взвыл и принялся кататься по песку, пару раз треснувшись зеленым затылком о наш велосипед.

– Быстрее, тупоголовый! Хватай мальчишку! – верещал его зверек, поджав хвост, – хватай меня и бежим! Тьфу! Рыжая ведьма!

– И куда это мы собрались? – раздался грозный голос Ника, как же я была рада его видеть, – хочешь, чтобы я спустил твою шкуру, старый кошак?

Орк мигом вскочил на ноги, схватил своего Углоноса за хвост и побежал в лес на всех четырех лапах, бормоча что-то про борзых человеческих детенышей.

Никитка принялся усиленно трясти головой, забрызгивая нас, чтобы не скучали. На загорелой шее болтался мощнейший амулет из трех клыков. Доказательство его силы было прямо за спиной мальчишки: новенькая яхта валялась на боку, выброшенная на камни волнореза, вокруг нее суетились оружие перепуганные пассажиры. Аквалангист с «ластами в зубах» и плавками на голове торопился к ним, лихорадочно гребя акульим плавником.

– Вас и на пять минут оставить нельзя! – возмутился Ник, накидывая рубашку и извлекая из песка остатки своей заначки, – кто слопал мои конфеты? Все пять штук! А где мой конверт?

– Конверт? Тут к нам приходили и, – промямлила я, виновато опуская глаза вниз, – в общем, Роки сейчас все объяснит!

Тимка, пытаясь что-то сказать, выплюнул в воздух мощную струю огня. Чирока, злобно рыча, мотал головой и небрежно тыкал лапой в мою сторону.

– Копытный тролль! – ругался Ник, подскакивая ко мне, – где конверт? Что там было?

– Ничего особенного! – оправдывалась я, сочиняя на ходу согласно обстоятельствам, – что-то вроде «рыжую надо проводить домой» и «не дружить с сомнительными тиграми»! И еще – «хотите точнее, платите больше»!

Ник недовольно проворчал что-то вроде «надо было скормить обоих орку». С моря донеслись очередные ругательства и громкий плеск волн. Всеобщими усилиями яхта была спущена на воду, пассажиры быстро втащили «горе-акулу» на борт и укатали прочь, оставив после себя кучу пены и дурацких мыслей. Трое русалок со звонким хохотом отправились следом, раскачивая лодку на волнах и забрызгивая ее пассажиров.

Тимка что-то промычал, выпуская в воздух клубы огня. Его рот был полностью забит сомнительными конфетами, челюсти лихорадочно работали. Он отошел к морю и принялся что-то быстро лепить из мокрого песка, не обращая на нас никакого внимания.

– Семь галлатов, как дракон слизал! Мои последние золотые монеты! – ворчал Ник, плюхаясь на песок, очевидно, имея в виду определенную сумму денег в неизвестной и, вполне возможно, не существующей валюте, – пять конфет-искорок, одна «Болтливая дюжина» и предсказание точностью в полтора галлата!

– Ничего себе «искорки»! Тимофей! Выплюнь эту гадость! – причитала я, боясь подойти к родному брату, – как я теперь покажу его родителям? Огнетушитель не прилагался?

Тимка, фыркая искрами, подбежал к Никитке, схватил его за руки и потащил к морю. Мы с Чирокой, недоумевая, поплелись следом. На мокром песке маленькими детскими ладошками была нарисована довольно забавная картина.

– Шабаш троллей? – улыбнулся Ник, Тимка отчаянно замотал головой, – как это нет? Вот костер, вот орк глотает гоблинов! Он, кажется, горит!

Я сразу обо всем догадалась, присела на корточки и быстро подписала открытку:

«С Днем Рождения, Ник!».

– Это ты задуваешь свечи на торте! – подсказала я, – современный импрессионизм!

Тимка захлопал в ладоши, Чирока завилал хвостом.

«Может быть, если у него будут ботинки, он станет добрее?» – вертелись в моей голове простые наивные слова брата. И тут меня посетила отличная идея: попробовать первой сделать что-то светлое, доброе. Я набрала в легкие побольше воздуха и запела «С Днем Рождения тебя, Ник», как если бы мы с ним дружили с детства. Мой голос дрожал и срывался, в паузах подвывал Чирока, виляя мокрым хвостом. Ник улыбался так широко, что, должно быть, у него заболели скулы. Карие глаза, огромные от удивления, мигом потеплели.

– Зачем ты это сделала? – шепотом спросил он, рассматривая меня, словно танцующего слона, жонглирующего белками, – мне никто никогда не пел! Тем более на День Рождения!

– Мне было не сложно, – важно ответила я, Тимка закивал белобрысой головой, – следующий раз твоя очередь!

С этого момента, сама того не желая, я начала одну из самых классных и нужных игр на этой планете с невероятно простыми правилами. Нужно было по очереди удивлять друг друга потрясающими сюрпризами, скромно дополняя словами «Мне было не трудно!».

– Подарки будут завтра, – пояснила я, протягивая ему лук и стрелы, – это все, что удалось спасти. Кстати, они забрали твою сушеную лягушачью лапку. Прости!

– Досадно, но ладно, – ответил Ник, щелкая пальцем по ожерелью из клыков, – зато у меня теперь вся сила и ловкость!

Я приготовилась его обнять, если он вдруг сам напросится, но, именинник, похоже, благополучно забыл об этой части церемонии.

– Вот! – в его протянутых ладонях лежала средняя по величине ракушка, переливаясь в вечернем солнце всеми цветами радуги, – можете слопать моллюска целиком!

– Спасибо, – поблагодарила я, понимая, что совершенно не заслужила.

В этот момент Тимка быстро схватил подарок и принялся скорее его открывать: колотить круглым камнем и сердито пыхать на него огнем. Но ракушка не поддавалась, и к Тимке тут же присоединился Ник.

– Нужен костолом и тиски! – ворчал Роки, принюхиваясь и облизывая нос.

– Вы все делаете не так! – я забрала ракушку, сама не зная, что предпринять, – может, окунуть в воду?

– Горячую? – Ник саркастически задрал вверх указательный палец и осторожно положил свой подарок в волны, – напомним, чтобы ты ее не забыла!

– Учат в школе, – пробормотала я, не решаясь признаться, что вспомнила это из диснеевской русалочки, где рисованные раковины оставались открытыми только под водой.

Чирока собирался что-то возразить, но так и не успел. Мы стали свидетелями весьма странного и невероятно громкого зрелища. Перед далеким городским пляжем на всей скорости рассекала волны подозрительно знакомая белая яхта, ее неустанно сопровождали три зелено-волосые фигурки русалок. Ник тут же громко пожелал перевернуться «трухлявому корыту». Однако, дело оказалось куда интересней.

Глава 5. Час от часу не легче

вечер, суббота, 30 августа

К лодке на длинной прочной веревке был привязан надувной матрац кислотно-желтого цвета. На нем, лежа на животе, неслась весьма объемная женщина, придерживая рукой остатки пестрого купальника. Пассажирка отчаянно визжала в ультразвуковом диапазоне, руки и ноги поднимали в воздух водопады брызг. Матрац грозился вот-вот лопнуть или перевернуться.

– Лекс вылетит из школы, как тролль из эльфятника! – радостно сообщил Ник, – прока-тит на батуте кузину директора! Саму мадам Танк! Это надо отметить!

– Беденькая, верх купальника потеряла, – ответила я, – теперь у нее куча ненужных знакомых, бешеная популярность на «You Tube» и безнадежно сорванный голос!

На городском пляже музыка стала тише, все толпились у воды, тыча пальцами и громко обсуждая происходящее. Сверкали вспышки фотоаппаратов, дети катались от смеха по песку. Между ними с веселым тьякнанием носилась маленькая черная собачонка, однако, так и не решилась прыгнуть воду и присоединиться к хозяйке.

– Лучше поцеловать горгулью, чем попасться на глаза этой водовозке Танк! – смеясь, продолжал Ник. – О, поверь мне! Она наказывает всех, кого видит, а кого не видит – ищет и тоже наказывает!

– Я никогда не пойду в вашу школу! – проскулил Тимофей, от ужаса глотая все звуки.

– Брось, малый! Со мной твоя сестра в безопасности!

– Тимка, ты доел конфеты? – поспешила я перевести тему, дабы предотвратить очередную психологическую травму у ребенка, – их надо было выплюнуть!

Братишка весело замотал головой, выпустив в воздух, словно факир, очередную струю огня.

Вдруг злополучная яхта попала в огромный светлый круг. На вершине высокого маяка, словно яркий глаз немого циклопа, включился главный прожектор. Ник удивленно присвистнул. Кто-то с лодки, наконец-то, додумался перерезать веревку. И теперь матрац со своей визжащей от бешенства пассажиркой оказался в центре светлого круга, раскачиваясь на волнах перед многочисленными улюлюкающими зрителями городского пляжа. Вспоминая ругательства молодости, несчастная Мадам осыпала все и вся проклятиями, самыми неприличными жестами требуя выключить «подсветку» с маяка. Вокруг нее с веселым хохотом носились русалки, раскачивая матрас и намереваясь оставить пассажирку без купальника.

– Что там делают русалки? – недоумевала я, – она же их убьет!

– Их никто не видит, потому что не верит в магию. Максимум, только дельфинов, – объяснил Ник, затем резко развернулся в мою сторону, – так! С тобой все ясно-прекрасно! Быстро выворачивай карманы! У тебя остался мой волшебный предмет!

– Это почему это? – возмутилась я.

– По кочану и по хряпке! – тьякнул Роки, – ты даже меня можешь слышать! Сперла все, что могла. А что не смогла – сожрала!

Выбора не осталось, я принялась шарить в карманах, тут же нащупав что-то теплое и круглое. Это была последняя из конфет-искорок, та самая, которую я незаметно умыкнула.

– О, нет! – закричал Ник, схватил свою собственность и уставился на Тимку, – ты съел «Болтливую дюжину»?

– Бэээ-бэээ! – ответил ребенок, хитро улыбаясь, – мэээ!

– Что? – я отпрянула назад, словно у брата выросли рога, – что происходит?

– Он сказал, что съел только одну, – перевел с бараньего Ник, – теперь он может полдня болтать на двенадцати звериных языках.

– Кукареку! – кивнул Тимка, и вечерний воздух снова разорвали клубы огня, – м-у-у!

– Меня родители казнят! – простонала я, хватаясь за голову, – как это прекратить?

– Ну, сделай ему клизму с толченым стеклом и малиновым вареньем! – посоветовал Ник.

Тем временем на маяке главный прожектор понимающе выключили. С берега к бушующей Мадам Танк отправилась спасательная яхта с не менее яркой поисковой фарой.

– Соблюдайте спокойствие! – кричал ей в рупор один, самый голосистый и «весомый» во всех смыслах этого слова, спасатель, – держитесь за матрац! Уважаемая, оденьте купальник! Берегите ваш голос и наши нервы!

– Выключи фару, солдафон! – донес ответ ветер, – выключи! Или я переверну твое корыто!

Однако вопреки заявлениям пострадавшей она была успешно спасена. Лодка не пошла ко дну, хоть и заметно потяжелела. Русалки, вновь ставшие для меня дельфинами, весело унеслись в открытое море. Роки перестал разговаривать и теперь только скулил и рычал.

Огненный солнечный диск едва выглядывал из-за горизонта, все глубже ныряя под воду, на нас быстро опускалась темная южная ночь. На потускневшем небе заблестели первые звезды, далеко за горизонтом вспыхнуло яркое зарево заката. Городской пляж превратился в разноцветную полосу танцующих огней.

– Тимофей, прекрати на меня шипеть! – деловито произнесла я, брат снова прокукарекал, – ничего не говори при родителях! И не чихай! На сегодня концерт окончен!

И как же сильно я тогда ошиблась. Никогда не забуду момент, когда Ник спросил, хитро прищурившись:

– А ты ничего не забыла?

– Ах да! – вскрикнула я, вскакивая с места и ругая свою дырявую память, – мой подарок!

Следом к морю поплелся Тимка, осторожно выглядывая из-за моей спины и искренне надеясь, что моллюски не кусаются. Ракушка лежала там же, где ее и оставили: на мокром песке среди волн, за тем исключением, что теперь она была широко распахнута. Что-то маленькое и блестящее лежало на ее нижней створке.

Я присела на корточки, чтобы лучше разглядеть «свой подарок», и громко ахнула. Внутри, словно в изящной перламутровой шкатулке, лежало небольшое серебряное колечко с двумя змеиными головами, повернутыми друг к другу. Удивительный белый металл давал яркие волшебные отблески. Между змеями сверкал острый осколок ярко-бирюзового камня. Позади я услышала громкий вопль Ника – судя по всему, он тоже впервые увидел «свой подарок». Тимка, однако, остался весьма раздосадован: ни моллюска, ни конфеты. Чирока тоже не оценил сюрприз, кольцо совсем не пахло колбасой.

– Заоблачный металл, – прошептал Ник, скорее всего, подразумевая стоимость кольца, – если б только я знал, как им пользоваться. Старый плешивый кентавр вышвырнул меня из класса раньше времени. Ладно, забирай себе эту побрякушку.

– Это что – предложение? – произнесла я, первый раз в жизни мое лицо зарделось ярче, чем огненные волосы.

Но, как настоящий маленький джентльмен, мальчишка мигом спас положение:

– О, нет! Я ни за что на тебе не женюсь! – закричал он на весь пляж, пятясь назад, как от беременного верблюда, – я убегу! Ты заставишь меня ходить в школу, выставишь Чироку и не будешь разрешать ночевать в море!

– Отлично, проехали! – возмутилась я, – тогда зачем ты отдаешь кольцо?

– Прямо и колечко подарить нельзя? – его загорелое лицо озарила самодовольная улыбка, – забирай! Мне было не сложно!

Обстановку разрядил Тимка, которому не грозила никакая свадьба. У детей его возраста интерес всегда побеждает страх. Он схватил ракушку быстрее, чем я успела моргнуть. Секунда, и кольцо засияло на указательном пальце его левой ручонки. Тут-то все и началось.

– Я хочу свой велосипед, – громко и требовательно обратился он к морю, выдувая клубы огня, – новый! И завтра! Бэээ-бее!

– Квашеная жаба! – косился на него Ник, пятясь назад, – это ты мне?

Но Тимка, не обращая внимания на нашу панику, продолжал что-то бормотать сразу на всех двенадцати языках. Очевидно, заказывая доставку своего нового велосипеда на завтра. Я точно знала, что мы не можем себе такого позволить, родители еще не выплатили кредит за новый дом. И если у Тимки и будет велосипед, так только мой старый, когда он сможет доставать до педалей. Но я не стала произносить это вслух – мечта для того и существует, чтобы верить!

На горизонте от солнца осталась лишь огненная полоса, напротив которой взошла полная кроваво-красная луна. Вокруг нее, словно рассыпанные бусы, сияли крупные южные звезды. Карие Никиткины глаза расширились от удивления, едва он заметил цвет луны, в лесу кто-то шуршал, рычал и скулил. Сейчас я очень жалела, что вернула свою волшебную «термоядерную конфету» и больше не могу видеть скрытый мир.

– Лысый тролль! А теперь на горшок и в люльку! – скомандовал Ник, запихивая Чироку вверх тормашками в карман, – ты тоже, блохастик!

Мальчишка быстро взвалил на плечо наш исковерканный велосипед, свободной рукой беря под мышку кукарекающего Тимку. От лунного света песок стал красновато-серый, словно пропитался кровью.

– Что-то не так? – я подобрала свою сумку и отлетевшее велосипедное колесо, косясь на красную луну, – это эвакуация? Сейчас придет этот тигр со своим Кривоносом?

Ник ничего не ответил, я поспешила его догнать. Тимофей, странно притихший, постоянно косился в одну сторону и улыбался. Его губы едва шевелились, будто он разговаривал с кем-то невидимым и неведомым или же с собственной тенью. Неожиданно он выставил перед собой ручонку маленькой ладошкой вверх, и тут мои нервы не выдержали.

– Тимка, что с тобой? – озадаченно спросила я, – что ты там лопочешь?

Он не реагировал, продолжая загадочно улыбаться, глядя на собственную пустую ладонь так, словно там лежали все игрушки мира.

– Приятель, ты спятил? – нахмурился Ник и тут же громко вскрикнул, наступив на острую шишку, – Тимофей, ответь сестре, или сейчас она сама спятист!

Темнота опускалась на прибрежные холмы быстрее, чем мы на них поднимались. Ночной лес, куда ни глянь, выглядел абсолютно одинаково: сплошные ряды стройных сосен, скрипящих от ветра, будто смеющихся над нами.

– Этот тигр по имени Орк, – начала шепотом я, передергивая плечами, – он еще в лесу?

– Велика проблема – твоему мелкому раз чихнуть! – отмахнулся Ник, тыча ворчащим Чироккой во всех направлениях, – нюхай, Роки, нюхай! Бери след! Фу-у, Роки!

– Я хочу, чтоб тебя все видели! – наконец, сказал Тимка своему незримому собеседнику и впервые обратил на нас внимание, – мы потерялись?

Я вопросительно уставилась на Никитку, тот отвел взгляд в сторону, намереваясь что-то соврать, но...

– Потерялись! – неожиданно ответил голос позади нас, – ваша дорога внизу!

Хоть это и был приятный шелковый бас, я все равно громко вскрикнула, Ник выронил велосипед вместе с Тимкой. Лес наполнился разъяренным мычанием и ржанием: ребенок не желал падать тихо.

Перед нами, четко напротив огромной красной луны появился силуэт паренька с длинными черными волосами. Голубые глаза светились в сумерках словно кошачьи. Никитка тут же скинул лук и прицелился, я пыталась сохранять спокойствие.

– Это не ваша тропинка. Сталезуб стер твою метку, Ник, – продолжал незнакомец, подставляя свое бледное лицо лунному свету, – стой, где стоишь!

Он схватил Ника за руку, еще один шаг и тот угодил бы в яму, хорошо замаскированную свежими ветвями. На дне ловушки торчали острые сосновые колья, наспех понатыканные в свежую землю. Далеко за деревьями кто-то недовольно захрапел.

– В этом лесу охотишься не только ты, Ник! – продолжал длинноволосый незнакомец, с виду это был обычный подросток в новеньком темном пиджаке, серых джинсах и светлой футболке, – ты можешь грабить гоблинов сколько угодно, подвешивая их вверх ногами и тряся золото. К вечеру они сторгуют у репликонов в два раз больше. Но орки, народ огня и войны, привыкли кровью смывать свои обиды. Саблезуб не остановится, пока не вернет свой трин-амулет или твою голову. А скорее всего, все вместе.

– Пусть попробует, глупая кошка, – ответил Никитка, – пушу его на воротник!

Кожа незнакомца была молочно-бледной, а фигура казалась настолько худой и слабой, что Ник тут же опустил свой лук. А может быть, он просто осознал, что только что этот таинственный мальчишка спас его от мучительной смерти в ловушке.

– Лysая фея! Ты призрак?! – недоумевал Ник, тыкая незнакомца пальцем и зачем-то дергая за прядь черных волос, мне стало очень стыдно за него, – странно, настоящий. Иди, показывай нашу дорогу.

– Пожалуйста! – добавила я, Тимка громко прокукарекал, – и извините нас за то, что было и... еще будет!

Незнакомец, нисколько не смутившись, сделал несколько бесшумных шагов назад и поманил нас рукой. Я видела столь величественные жесты лишь в фильмах о принцах, непосредственно от исполнителей главных ролей. Мы вчетвером, включая сломанный велосипед, ломанулись к нему, словно стадо лосей, круша кусты и хрустя шишками. Внизу, серой извилистой лентой, буквально в нескольких шагах от нас, развернулось долгожданное шоссе. Откуда-то издалека, как мне показалось с моря, донесся тихий странный звук, похожий на приглушенный рев мотора.

– Сам-то ты кто? – спросил Ник, демонстрируя всю свою «вежливость и такт», – почему один на территории орков? Или ты – нежить?

Я продолжала рассматривать незнакомца, сердце отчаянно колотилось, в очередной раз за сегодня проверяя на прочность мои ребра. Мальчишка был настолько болезненный и бледный, словно пять минут, как сбежал из больницы. А под глазами такие огромные черные синяки, словно он не спал неделю и вот-вот упадет. Судя по юношескому голосу, парень, все-таки, был старше нас на пару лет.

– Я Соло... – начал незнакомец, его перебил нарастающий рев мотора.

– Да тихо ты! – закричал Ник, прислушиваясь и приносясь не хуже Чироки, – слышали? Это тачка!

– ...ваше желание, – закончил незнакомец, пожимая худыми плечами, – зовите меня просто Макс!

– Раздави тебя тролль! – процедил сквозь зубы Ник, далекий звук неожиданно стих.

– И вам того же!

Взамен раздался громкий вой Тимки, а так же блеяние, ржание, мычание и рычание. Он чихал на землю искрами, которые Макс тут же тушил. Водопадом во все стороны полетели слезы. Сначала я подумала, что его, должно быть, все-таки укусил Чирока.

– Я потерял его! – кричал ребенок, предвещая «конец света», ползая на коленках по ковру из сосновых игл, – оно потерялось! Ищите кольцо!

Без лишних слов мы с Ником бросились на землю, и один только Макс стоял ровно и прямо, демонстрируя свою величественную осанку и мертвое спокойствие.

– Его, видимо, проглотил Чирока, – выпалил Никитка, достал из кармана сонного питомца и принялся трясти его вверх тормашками, – правда, Роки? Быстро плюй!

Узкие щелочки вдруг стали стеклянными изумрудными блюдами, растрепанные уши мигом выстроились на макушке. Зверек отчаянно замотал усатой головой.

– Еще раз, и я пожалуюсь в Гринпис! – возмутилась я.

Максим, громко вздыхая, закатил голубые глаза, подперев спиной толстый сосновый ствол. Вокруг его тонкой шеи обернулся изящный серебряный хамелеон, сжимая во рту кончик собственного хвоста. Это была невероятно кропотливая и дорогая работа ювелира: глаза, ноздри, хвост, лапы – все было продумано и отделано до последней чешуйки. По спине вдоль хребта проходил высокий гордый гребень, словно острые блестящие зубья пилы. Интересно, каким образом владелец не успел порезаться, ну, или порвать ворот футболки? Белый блестящий металл чем-то напоминал серебро, а еще больше – наше сегодняшнее кольцо.

– Ты чего не помогаешь, лохматый? – возмутился Ник, кидая в него шишкой, – найди колечко, раз ты такой умник!

Макс медленно выпрямился и, пройдя мимо меня, подошел прямо к Никитке. Запаястья ночного странника обвивали своеобразные змеевидные браслеты, выкованные из того же самого белого металла, что и хамелеон на шее. Они были стилизованы под необычные змеи-кандалы, из открытых ртов которых, словно ядовитые жала, торчали обрывки цепей.

– Кольцо в твоем правом кармане, – спокойно сказал Макс, – между створками ракушки и последней конфетой-искоркой.

Тимка издал страшный вопль и налетел на оторопевшего Ника, намереваясь стянуть с него штаны. Чирока недоверчиво обнюхивал незнакомца, чужак ему явно не нравился.

– Подлый вор! – кричал ребенок, плюясь клубами огня, – сейчас получишь в нос!

Ник легко взял малыша на руки и направил головой на Макса, словно пистолет.

– Как зовут эту рыжую? – спросил он, тряся Тимкой, – как звать мелкого?

– Тимофей и Алиса, – спокойно ответил Макс.

Я оторопела: как такое возможно? Он произнес мое имя, будто старый знакомый. Макс назвал меня Алисой, хотя по документам правильно Александра. Он что, умеет читать мысли?

– Ты шпионил за нами, лохматый? – Ник поставил ребенка на ноги, – или вы сговорились?

– Все мимо! Просто сухая логика, – ответил Макс.

– Какая еще логика, умник? Угадай, какой рукой схлопочешь!

– Ник! Он мог слышать наши голоса, – вмешалась я, – мы орали громче, чем сама тетя Пушка... ой, Танк! Слышно было в столице! И ты вроде как подарил кольцо мне, верно? Снова украл?

Пораженный Никитка стоял с открытым ртом, обреченно опустив кулаки и уже не в силах что-то доказывать. Он засунул руку в карман, вытащив оттуда раскрытую ракушку, светящуюся красную конфету и маленькое серебряное колечко. Ловкий воришка воспользовался нашим замешательством в тот самый момент, когда появился Макс, велосипед упал, а Тимка обронил кольцо. Я прищурилась, уставившись на внутреннюю сторону верхней створки ракушки. На несколько секунд мне показалось, что в красноватом свете луны там сверкнули узорные буквы:

«С Днем Рождения, Никита».

– А ну отдай! – заревел Тимофей, колотя Никиткины штаны маленькими кулачками, – мой папа выпорот тебя ремнем и навсегда запретит мультики!

Ник покраснел так густо, что было заметно даже в темноте, он резко развернулся ко мне. Никогда не забуду этот взгляд, полный отчаяния и сожаления, тревоги и обиды, будто по его вине наступил конец света.

– Я не крал! Клянусь усами Чироки! Просто хотел... хотел, чтобы оно было у тебя... как талисман. Пусть у тебя все будет хорошо. И у Тимофея тоже. Ну, мало ли, ребенок, еще возьмет и проглотит. Потом не достанешь.

Весь мир отражался в его огромных карих горошинах. Никитка быстро схватил меня за руку, кожу обожгло что-то маленькое, твердое и круглое. Всего на какой-то краткий миг древнее кольцо оказалось зажато между нашими ладонями. Позже я узнала, что именно этого мгновения оказалось достаточно, чтобы сработала сильнейшая магия, резко и необратимо изменившая наши жизни.

– Я его первый нашел! Макс, скажи ему! – не унимался Тимка, разворачиваясь ко мне и важно протягивая вперед левую руку с отогнутым указательным пальцем, – надевай его сюда!

Чем младше у твоего брата возраст, тем сложнее с ним договориться. Каким-то странным необъяснимым образом, мне вдруг расхотелось возвращать ему кольцо, сохранить его у себя. Ведь и правда, еще проглотит!

– Не сейчас, Тимофей, – замялась я, придумывая отговорку на ходу, – дома, после того, как вымоешь руки с мылом!

Тимка нетерпеливо топнул ножкой и тут же разразился в страшной истерике, словно я успела сломать его несуществующий велосипед. Ревя на весь Мироморск, он бросился в чащу леса, планируя спалить все на своем пути.

– Тимофей, вернись! – закричала я дрожащим голосом, в лесу стояла темнота, к тому же мне было жутко стыдно за его капризы, – кому сказала?! Смотри, что я тебе дам!

Но по удаляющемуся лошадиному ржанию и треску ветвей стало предельно ясно: ребенок пытался убежать как можно дальше. Я тут же бросилась за ним. Паника крепко схватила меня за горло: тропинка шла под гору, а, значит, мы спускались к дороге. Макс и Ник обреченно поплелись следом, последний волочил велосипед.

Ветви нещадно хватали меня за волосы, оставляя себе приличные клочки в виде сувениров. Прямо над моей головой, бесшумно соскользнула с ветки огромная, размером с откормленного пса, летучая мышь. Ее ярко-красные голодные глаза, не отрываясь, следили за происходящим. Черные кожаные крылья легко и быстро несли мраморно-белое тело с цепкими когтистыми лапками прямо на мою голову.

– А-а-а! Брысь! – закричала я первое, что пришло в голову, – тут летучая мышь!

– Кинь в нее чем-нибудь, – послышался усталый голос Ника, – она не ест Сашек!

Звучно грохнувшись на землю, я схватила огромную шишку, и, что было силы, зарядила в крылатое чудовище. Мышь оскорблено взвизгнула, ловко увернувшись от снаряда. Гулкое эхо разнесло по лесу ее ехидный крик, очень похожий на противный человеческий смех. Впрочем, он быстро стих, как только она, заглядевшись, врезалась в крепкий сосновый ствол.

– Тимка! Ты где? – я снова бросилась бежать в темноту сквозь колючие ветки, постоянно рискуя сломать себе шею, – тут полно вампиров из вчерашней сказки! Забыл?

Момент, и я снова его увидела: ребенок стоял прямо посередине опустевшего шоссе, он выглядел пугающе в красноватом свете луны. Малыш смотрел на меня, хитро улыбаясь, не зная, в какую сторону повернуть. Ему очень понравились догонялки в лесу.

– Тимофей! Уходи с дороги! Беги ко мне! – я попыталась улыбнуться, ища в своих карманах злосчастное кольцо, – Тимка, будь умницей!

– Мелкий! Вернись к сестре! – закричал Ник, звеня велосипедом.

В ответ Тимка лишь звонко засмеялся, протягивая вперед правую руку с отогнутым указательным пальцем. Но мне было не до смеха. Из-за поворота ночной сумрак ослепила пара ярких белых фар. На бешеной скорости прямо на Тимку двигался огромный темный автомобиль, судя по очертаниям – внедорожник. И он совершенно не собирался тормозить.

Меня бросило в жар, во рту пересохло, мой отчаянный хриплый крик растворился в реве мотора. В последнюю секунду из-за моей спины на дорогу мелькнула черная тень. Макс вместе с Тимофеем исчезли под огромными колесами автомобиля. Слишком поздно заскулили тормоза, полетели искры, запахло жженой резиной, откуда-то из мрака вынырнул ошарашенный Ник. Отбросив велосипед в сторону, он тут же вскинул лук, мелькнула быстрая стрела, послы-

шался громкий хлопок, а затем резкий скрежет тормозов. Меткая стрела попала в колесо, пробив шину и остановив машину выше по шоссе. К счастью пассажиров, она не перевернулась и не врезалась в дерево.

Не теряя времени, Ник кинулся к большой темной груде на асфальте – телам Макса и Тимки. От шока у меня перехватило дыхание, на подкашивающихся ватных ногах я поплелась следом за ним.

Во всем виновата я! Почему я отпустила брата? Почему не отдала это несчастное кольцо? Мое тело забилося в бесшумном плаче, я даже не почувствовала, как упала коленями на асфальт. Неизвестно, сколько еще «почему» появилось бы в моей кружившейся голове, но тут случилось нечто совершенно неожиданное и невероятное. Первым с асфальта встал Макс, потягиваясь, словно с утренней постели. Он поставил на ноги довольного Тимофея. После таких приключений, малыш напрочь позабыл о своем кольце.

– Бэээ-беее! – довольно улыбался Тимка, он счел происходящее за отличную шутку, – кукареку!

Я, громко рыдая теперь уже от счастья, кинулась обнимать смеющегося живого брата. Макс молча отряхивал свой пиджак, к нему тут же подскочил взъерошенный Ник:

– Как? Как ты это сделал? – первым делом выкрикнул он, и, поймав мой крайне неодобрительный взгляд, виновато спросил, – ты в порядке, приятель?

– Бывало и похуже, – спокойно ответил Макс, словно пару раз в день кого-то спасал, – подвеска высокая, мы прошли между колес.

– Макс! Ты супермен? – улыбнулся ему Тимка, забавно наклонив белобрысую голову на бок. Чирока сделал то же самое, только высунув язык.

– Спасибо большое, – выдохнула я, не отпуская вырывающегося брата. Если бы не Ник, я бы уже давно бросилась Максиму на шею, – большое спасибо!

Глава 6. Ужасы сумрака

вечер, суббота, 30 августа

Выше по шоссе друг за другом громко хлопнули двери автомобиля, послышались ругательства и быстрые шаги. Я обернулась: из сумрака к нам направлялись четверо, к сожалению, уже знакомых подростков. Первым шел самый главный и наглый – белобрысый мальчишка, в лунном свете его грязно-серые глаза казались металлическими. Светлые волосы были убраны в тугой хвост. Бледное лицо было нечитаемо, словно театральная маска. Тонкие губы искривились в глупой усмешке, которую, очевидно, он считал своей самой приветливой улыбкой.

– Слепой хрюнопень! – накинулся на него Ник, – ты мог его убить! Водишь свой тарантас, как не доенная кляча!

– Манеры, Колтин! Не будь тупее, чем ты есть! – процедил сквозь зубы белобрысый, он облегченно выдохнул, уставившись на Тимку и Макса, – жаль, что ваш Никиточка на дороге не разлегся!

– Катись к химерам, Лекс! – прорычал Ник.

Следующим из сумрака вынырнул худощавый мальчишка с густой челкой цвета спелого каштана. Половину его лица закрывали огромные очки от солнца. Прямой немного длинноватый нос над пухлыми капризными губами, очевидно, имел превосходный нюх на заговоры и интриги. Я тут же узнала сегодняшнего аквалангиста.

– Тони был за рулем, – кивнул в его сторону Лекс, разворачиваясь, – что с шиной?

– Прочно застряли! – выдохнул Тони, – шина взорвалась и...

Но быстрее чем, он успел закончить фразу, Ник сорвал с него очки:

– Сними свои ставни, пугало! Ты мог их убить!

Стекло разлетелось вдребезги об асфальт, за ним прятались выразительные серо-зеленые глаза, однако, разной формы и размера. Под одним раздувался внушительный ярко-лиловый фингал, повествующий о нелегкой жизни «новоиспеченной акулы».

– Ты труп, голодранец! – накинулся он с кулаками на Ника, но тот цепко схватил его за нос, чуть не оторвав, – ауф! Лекс, помощи! Дэн!

На помощь подоспел высоченный долговязый детина, вылезая из машины, он громко треснулся дубовым затылком о крышу. К счастью, автомобиль не пострадал. Если бы здоровяк ел раза в два меньше и думал раза в два больше, то оказался бы весьма не дурен собой, а так – лицо кирпичом, темная соломенная стрижка, круглые пустые глаза и веснушчатый курносый нос. Одетый в камуфляжную футболку, он тут же кинулся в бой. Ник, наслаждаясь возможностями своего нового трин-амулета, ловко толкнул Тони под ноги здоровяку, оба с грохотом полетели на землю.

Падая, Дэн задел массивным кулаком правое предплечье Лекса, туго обмотанное бинтами. Бледное лицо перекосило от боли, сквозь повязку проступила кровь: рана была свежей и глубокой.

– Кто тебе вмазал, Белоснежка? – озадаченно спросил Ник, отпуская нос Тони, – хочу пожать ему руку!

– Замолчи! – прошипел Лекс, поправляя повязку.

Следом за Дэном показалась слащавая блондинка в коротком голубом платье, балансирующая, как акробат, на высоких каблуках. На таких я обычно прыгаю, как парализованный кузнечик или беременная жаба. Ее светлые волосы, стриженные короче, чем у ребят, идеально держали укладку – вероятно, не без «волшебного» дорогого лака. На загорелом лице лежал неброский, но путевый «прогулочный» макияж. По всем «модно-благородным» признакам это была сестра-близнец Лекса. Такие, как она, с рождения умеют пользоваться косметикой, крутить ребятами и с презрением относятся к таким, как я.

– О, Никки! Нашел себе подружку? – прошептала она, безуспешно сканируя мою одежду на наличие хоть одной фирменной вещи, – давно встречаетесь?

– Сегодня с полшестого, – промямлил Ник, вздрагивая и густо краснея, он кивнул в мою сторону, – она сама пришла.

– Вообще-то мы друзья! – возмутилась я. Тимофей утвердительно заурчал.

– А этот бледный красавчик тоже сам пришел? – взглянула она на Макса, тот одарил ее скучающе-недоуменным взглядом, – как тебя зовут?

– Ну, хватит, Лика! – возмутился Тони, – еще слово и ты сама купишь себе платье!

Макс закашлялся. Мне очень не понравилось, как заблестели темные Никиткины глаза, и покраснели его уши. Да и вообще, он смотрел на эту Лику, словно на королеву красоты. Стоп! А с чего это Алиса так разволновалась?

– Недавно переехали? И сразу попали в дурную кампанию! – сочувственно покачал головой Лекс, поглядывая на блестящие браслеты Макса, – советую не показывать Колтину серебро и мелочь. Или он вас уже обокрал? Все равно не отчаивайтесь – вы нашли нужных знакомых!

– Будем обращаться, чтоб нас переехали! – хмыкнул Ник, скрипя зубами, он жутко ревновал нас к шайке Алекса и все еще не сводил глаз с блондинки.

– Нет уж, спасибо! – подытожила я, – пусть лучше у меня заберут кошелек, чем я останусь без брата! Как ты вообще посмел сесть за руль?

Тони, молча, мялся с ноги на ногу, явно чувствуя себя уязвимым без темных очков, хорошо скрывающих лишний «сувенир» от сегодняшних приключений. Ему явно не нравилось, как Ник смотрел на Анжелику, а она на свою новую игрушку – Макса.

– Лекс, поехали! – потребовал он, в уголках губ появлялись глубокие ямочки, однако, от этого его ухмылка становилась еще ехиднее, – они целы! Все, кроме мозгов!

– А как же моральный ущерб, Каштанка? – возмутился Ник, – завтра о твоей тупости будет знать весь город. Я развешу объявления и сообщу во все газеты. Справедливо.

– Вонючий воришка! Тебе не нужна справедливость! Тебе лишь бы только подольше попятиться на Лику! – вопил Тони, активно жестикулируя, – сообщишь в газеты? Ха! Представляю первую полосу: «Грязная, на редкость уродливая шимпанзе всю ночь глючила на лесной дороге»! Я забыл добавить – бездомная! У такого, как ты даже нет подруги! И никогда не будет!

Ник, красный, как рак, смотрел на меня, я – на Макса, остальные заржали, как лошади.

– А нам и без размалеванных куриц хорошо, – проворчал из своего кармана Роки, я смогла его слышать лишь потому, что волшебное кольцо сейчас было у меня, – вон та рыжая никак не отстанет.

– Пожалуй, обойдемся без газет, – спокойно ответил Макс под моим взглядом, умоляющим о защите, – моя тетушка попросит Владика Володина дать объявление по местному радио. Оно будет крутиться каждый час в течение недели.

– Хорошо, – тяжело вздохнул Лекс, важно залезая в карман своих наглаженных брюк, вытащил оттуда пару помятых купюр и милостиво протянул мне, – вот, купите малышу новый велосипед! Простите, мелочь не ношу! Просто, – добавил он, довольный моим пораженным взглядом, – в бумажнике не предусмотрено отделение!

Я взглянула на деньги: в моих чумазах ладонях лежала ровно треть месячной зарплаты отца, на них можно было купить целый подержанный мотоцикл.

– Эй, дать взаймы, грязнуля? – язвил Тони, презрительно морщась в сторону Ника, – купишь подружке цветы! Может, поцелует хоть раз!

– Лучше тебе гроб!

– Отстань от Ника! – вмешался мой рассерженный голос.

Лекс пристально рассматривал Макса, будто пытаясь вспомнить, где же его видел раньше. В серых глазах по-очереди отражались то серебряный хамелеон, то змеевидные наручники.

Все, молча, задавали себе один и тот же вопрос: как этот длинноволосый бледный мальчик, еле державшийся на ногах, смог так быстро броситься под колеса, чтобы спасти ребенка? Похоже, даже сам водитель не успел вовремя нажать тормоз, если не перепутал его с газом.

– Алексей Златоновский, – наконец, Лекс протянул свою белую руку, – сын Федора Златоновского! Уверен, ты слышал про «Корпорацию нового золота», названную по фамилии Златоновских – «злато» и «новое». И знаешь по чьей щедрости этот, – он бросил презрительный взгляд в сторону Ника, – ходит в школу!

– Я никого не просил! – выкрикнул последний, – ты – тонны зла, а не золота!

– Максим! – кивнул Макс, однако руку так и не подал, чем Ник остался очень доволен, – считайте, что простой смертный.

Лекс одарил его пристальным оскорбленным взглядом, но, молча, сжал губы и развернулся представлять остальных.

– Это моя сестра, Анжелика или Лика, – произнес он, улыбаясь блондинке.

Сейчас Лика исполняла народный танец «надоели комары, надоели мошки», отчаянно выстукивая чечетку своими высоченными каблуками. Где-то далеко в лесу раздался вой.

– Лесик, меня доедают! – жаловалась она, отмахиваясь сумочкой, – поехали, а? Лесик! Из кустов смотрят чьи-то глаза! Кто это храпит?

– Антон Барсых, – перебил Тони, делая шаг в сторону Макса, однако протягивать руку все же не решился, – сын Николая Барсых, почти адвоката дьявола!

Знаменитые и влиятельные, наглые и гордые, сильные и жестокие, богатые и очень богатые – вот самые необходимые качества для дружбы с Алексеем Златоновским. Он презрительно смотрел на босоногого Ника, как белый породистый кот смотрит из своей золотой клетки на брошенного дворового щенка.

– Денис Спартин, – отозвался последний громким глухим басом, так и не вспомнив, чем можно похвастаться.

– Просто хороший парень Дэн, – заключил Лекс и надменной улыбкой передал эстафету нам.

– Алиса, – улыбнулась я, кладя руку на плечо Тимки, – уже четвертый год работаю старшей сестрой Тимофея.

– Ну и Колтина мы все хорошо знаем по грязным, голым пяткам, – хмыкнул Антон, собираясь продолжить череду оскорблений, – вони и кражам...

Но тут над его каштановой головой скользнула огромная черно-белая летучая мышь с красными глазами. Она бесшумно села на темный асфальт, где пару минут назад Макс и Тимка попали под машину. Анжелика, не желая упускать возможность покричать, громко завизжала. Дэн тут же наклонился за камнем, а Лекс властным жестом указал на машину:

– Залезайте! Быстро! Колтин, тебе нельзя! Фу!

– Я без него никуда не поеду! – зачем-то заявила я, хватая Тимку за руку.

– Машина не тронется с места, – спокойно ответил Макс, голубые глаза пристально следили за летучей мышью, – с такой шиной ее опрокинет на следующем повороте.

– Не забудьте сломать себе шею, ваше бледномордие! – хмыкнул Ник, за стройными соснами промелькнуло что-то большое и темное, – надеюсь, вы умрете от злости, что мы с Санькой не падали перед вами ниц?

– Ты продашь своего деда, Колтин, – шипел Лекс, пытаясь вытащить из сдутой шины стрелу, – чтоб заплатить за новое колесо!

– Да прекратите вы все! – вмешалась я, распахивая их по сторонам, – как мы отсюда выберемся? Вокруг орк... тигры! Кто-нибудь займитесь колесом! Или хотя бы моим велосипедом!

В ту же секунду Макс с негромким щелчком прицепил велосипедное колесо обратно – полочки словно не бывало. Я захлопала глазами от удивления. Возможно, если бы это слу-

чилось не ночью посреди леса, полного голодных тигров, я бы долго расспрашивала Макса, выясняя, как он умудрился сотворить такое. Но не сейчас.

– А ты пораньше не мог сделать? – проворчал Ник.

В глубине леса раздался громкий рык, за ним последовал второй и третий – все ближе и ближе. Анжелика, визжа, бросилась бежать в сторону города, однако, наткнувшись на черно-белую мышь, быстро передумала и приковыляла обратно. От испуга Тимка плюнул огнем, но, к счастью, кроме меня и него самого этого никто не заметил.

– Жить хотите – лезьте в машину! – скомандовал Ник, теребя пальцами свой трин-амулет, – я задержу орков! Если что, скормим им Тони! Все равно он только воздух переводит! Эй, Тони? Стой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.